Всесоюзная
Книжная Палата
Обязат. экз.
1952 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 15 (2888) Суббота, 2 февраля 1952 г. Цена 40 коп.

К изобилию духовной культуры!

Строители Волго-Дона и металлурги Магнитки, шахтеры Донбасса и нефтяники Баку, колхозники и ученые, писатели и деятели искусства — все советские люди с чувством глубокого удовлетворения встретили опубликованное на днях Сообщение Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1951 году.

Приятно и радостно читать это Сообщение! Приятно и радостно знать, что под мудрым руководством партии Ленина—Сталина, на основе последовательного осуществления сталинской миролюбивой политики Советского государства наш народ достиг новых выдающихся успехов в коммунистическом строительстве, в дальнейшем укреплении могущества любимой Родины.

Приведенные в Сообщении цифры звучат, как величественная симфония героического труда народа, воодушевленного идеями коммунизма. Эти цифры красноречиво свидетельствуют о великих преимуществах социалистического строя, о его решающем и неоспоримом превосходстве над капиталистическим строем во всех областях жизни.

Из Сообщения Центрального Статистического Управления видно, что наряду с замечательными достижениями нашей промышленности и сельского хозяйства, наряду с дальнейшим подъемом материального благосостояния трудящихся, 1951 год ознаменовался новыми успехами во всех областях социалистической культуры.

Повышение культурного уровня народа составляет одну из главных задач социализма, является необходимым условием нашего движения вперед, к коммунизму. Большевистская партия, товарищ Сталин проявляют великую заботу о создании изобилия духовной культуры. Благодаря этой заботе, в нашей стране еще в предвоенные годы была осуществлена подлинная культурная революция, выросли многочисленные кадры новой, социалистической интеллигенции.

В 1939 году в отчетном докладе на XVIII съезде партии товарищ Сталин нарисовал яркую картину культурного подъема советского народа: внедрено в жизнь всеобщее обязательное первоначальное образование на языках национальностей СССР; число учащихся, включая все виды обучения, составляло в то время уже более 47 миллионов человек; в высших учебных заведениях училась 601 тысяча студентов; в 1938 году советские вузы выпустили 106,7 тысячи молодых специалистов; в стране насчитывалось 70 тысяч массовых библиотек с количеством книг в них свыше 126 миллионов экземпляров...

Намечая перспективы культурного строительства в СССР, товарищ Сталин сказал тогда: «Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем». Никогда ни одно государство в мире не ставило и не могло ставить перед собой подобной задачи!

Сообщение Центрального Статистического Управления показывает, сколь успешно решается в нашей стране эта историческая задача, как далеко в сравнении с предвоенными годами шагнули мы вперед в развитии нашей социалистической культуры.

Число обучавшихся в СССР, включая все виды обучения, достигло в прошлом году 57 миллионов человек. Тяга к знаниям в нашем народе поистине великая. Учится не только молодежь. Учатся, повышают свои специальные и общие знания взрослые рабочие, стахановцы, новаторы промышленности. В нашей стране уже насчитывается не менее 5 миллионов квалифицированных специалистов-практиков, получивших подготовку без отрыва от производства. На трехгодичных курсах мастеров сельского хозяйства учатся сейчас миллионы колхозников, овладевая основами передовой мичуринской науки. Непрерывно совершенствуют свои знания широкие круги советской интеллигенции.

Число семилетних и средних школ в городе и деревне увеличилось за год почти на 5 тысяч, а число учащихся в 5—10-х классах этих школ выросло на 2,5 миллиона человек. Это означает, что всеобщее семилетнее обучение в нашей стране успешно и повсеместно внедряется в жизнь, что в недалеком будущем мы сможем осуществить и всеобщее десятилетнее образование.

А ведь 50 лет тому назад в России из каждых ста человек семьдесят восемь оставались неграмотными, и подавляющее большинство детей трудящихся было лишено возможности получить даже первоначальное образование, а о высшей школе не смело и мечтать.

Сейчас в 887 высших учебных заведениях нашей страны обучаются 1.356 тысяч юношей и девушек. Это значительно превышает число студентов всех капиталистических стран Европы и Азии, вместе взятых. В прошлом году высшие учебные заведения и техникумы СССР выпустили 463 тысячи молодых специалистов.

Быстрыми темпами растет в нашей стране сеть культурно-просветительных учреждений. Так, число всех видов библиотек, находящихся в ведении государственных и общественных организаций, достигло в прошлом году 350 тысяч, а количество книг в этих библиотеках превысило 700 миллионов экземпляров, то есть увеличилось более чем в пять с половиной раз по сравнению с предвоенными годами.

В 1951 году за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства удостоены звания лауреата Сталинской премии 2694 человека. Это присуждение Сталинских премий большому отряду наших ученых и писателей, инженеров и агрономов, композиторов и архитекторов, художников и артистов, рабочих и передовиков сельского хозяйства — ярчайшее свидетельство расцвета социалистической культуры, показатель ее новых серьезных успехов.

В строительстве советской культуры активно участвуют все социалистические нации СССР. В каждой республике быстрыми темпами растет сеть начальных, семилетних и средних школ, высших учебных заведений и научных учреждений, развиваются литература и искусство. В минувшем году в Москве с творческими отчетами выступали деятели искусства и литературы украинского народа, представители искусства Карело-Финской ССР, писатели, артисты, музыканты и художники Советского Узбекистана. Эти творческие отчеты перед общественностью столицы продемонстрировали огромное богатство и разнообразие социалистической по содержанию, национальной по форме культуры нашей страны.

Советская культура завоевала среди широких масс трудящихся земного шара искреннюю любовь и всеобщее признание, как самая передовая, самая идейная культура в мире. Развиваясь на основе марксистско-ленинского учения, одухотворенная идеями сталинской дружбы народов, советского патриотизма, она знаменует собою новую, высшую ступень в развитии человечества. Проникнутая подлинным гуманизмом, советская культура оказывает могучее преобразующее влияние на творчество прогрессивных деятелей культуры всех стран. Строительство социалистической культуры в СССР является вдохновляющим примером для деятелей культуры стран народной демократии.

Высока честь быть участником строительства социалистической культуры, своим творчеством активно помогать партии Ленина—Сталина в формировании прекрасного духовного облика советского человека — созидателя коммунистического общества. Велика вместе с тем и ответственность каждого работника социалистической культуры перед народом, партией, государством.

Советский народ, по праву гордясь достижениями нашей литературы и искусства, ждет от писателей, композиторов, художников, архитекторов, работников кино и театра дальнейшего повышения идейности и художественного мастерства, ждет новых произведений, глубоко и ярко отображающих величие сталинской эпохи. Оправдать эти ожидания народа, отдать всю силу своего таланта, все свое мастерство делу создания изобилия духовной культуры в нашей стране — почетный долг каждого советского писателя, каждого работника искусства, их вклад в общенародную борьбу за торжество коммунизма.

ДОНСКАЯ ВОДА НАЧАЛА СВОЙ ПУТЬ К ВОЛГЕ

КАРПОВКА, 1 февраля. **(Наш корр.). Сегодня у строителей Волго-Донского судоходного канала большой праздник. Утром на канале была взорвана последняя перемычка, и воды Дона через бетонную трубу пошли в подводящий канал, а далее в водобойную часть Карповской насосной станции.**

Там, где еще на рассвете было видно бетонное основание, по которому ходили люди, днем молодой водолаз Александр Иванов уже спускался в воду, на дно, чтобы завершить некоторые работы.

Вечером строители собрались у подножья станции на дне будущего Карповского водохранилища. Станция была залита электрическими огнями. Начальник строительного района тов. Тарханов поздравил строителей с выполнением обязательства, данного ими товарищу Сталину,— начать 1 февраля перекачку донской воды в Карповское водохранилище.

1 февраля, 21 час. 10 мин.! Это время запомнят все строители Волго-Дона. Донская вода, поднятая мощным насосом на высоту в 13 метров, бурным каскадом пошла в ложе водохранилища. Каждую секунду насос выбрасывал 15 кубометров воды.

Путь донской воды к Волге начался.

Совещание молодых писателей Украины

КИЕВ. **(Наш корр.).** В течение пяти дней здесь проходило совещание молодых литераторов, созванное Союзом советских писателей Украины. Участвовало в нем свыше ста прозаиков, поэтов и драматургов.

Были заслушаны доклады: А. Корнейчука — о работе с молодыми писателями и М. Стельмаха — о литературных объединениях на Украине и организационных задачах литературного движения, а также ряд лекций.

Работали секции прозы, поэзии и драматургии. Поделились своим опытом П. Тычина, М. Рыльский, В. Василевская, О. Вышня, Ю. Смолич. Ю. Дольд-Михайлик, В. Минко, Е. Кравченко.

На совещании выступили писатели различных городов республики: Жданова, Днепропетровска, Артемовска, Сталино, Ужгорода, Дрогобыча и других.

Доклад о работе объединения молодых литераторов Харькова сделал руководитель местного отделения ССП Украины П. Панч.

Сталинград, февраль 1952 года

Юлий ЧЕПУРИН

Но прежде оглянемся назад, вспомним...

«...Прибыл я в Сталинград в то время, когда город горел. Мне стало очень обидно, и появился гнев на сердце, и я сказал товарищам, что, товарищи, отомстим за все эти пожары, за нашу священную землю. И начал я действовать с товарищами. Из своего пулемета многих фашистов наградил землей, которую им Гитлер посулил после войны...»

«...16 сентября был во время бомбежки привален землей, был вскоре откопан и опять после откапывания вступил в бой. А 17 сентября был ранен при психической атаке фашистов в два часа дня. Атака была отбита, и ушел с боя в четыре часа. Вечер пролежал в госпитале и опять вернулся на передовую...»

«...Пишу вам это письмо, а у меня сердце бьется, как перед великим праздником. Оно должно так и быть — наш праздник скоро придет, я в этом уверен. Наш мудрый полководец товарищ Сталин сказал, что и на нашей улице будет праздник. И мы этот праздник завоюем».

Эти письма гвардейцев-сталинградцев Никиты Долманова, Николая Чумакова, Ивана Ватякова, адресованные красноармейской газете, лаконично и точно рисовали и трудности боев в Сталинграде, и священный гнев, который пылал в сердцах наших воинов, и светлую веру в торжество победы, в торжество нашего правого дела.

Гитлеровские захватчики варварски уничтожали Сталинград, они сбросили на город в августе—сентябре 1942 года десятки тысяч тяжелых бомб, залили кровью детей, женщин и стариков его тротуары, площади, скверы... Они посеяли ветер. В ноябре 1942 года — январе 1943 года враг пожинал в Сталинграде бурю!

Восторжествовала правда, справедливость! Пришел на улицы Сталинграда праздник — пришел победный день 2 февраля 1943 года, и с ним вошла тишина в уставший от шестимесячного грохота Сталинград.

В прахе лежал некогда прекрасный город. Горько было смотреть на его остывшие руины.

В результате варварских бомбардировок гитлеровской авиации и многомесячных ожесточенных уличных боев в Сталинграде к концу великой битвы не уцелел ни одного здания. Город лишился всего жилого фонда. Было разрушено дотла 126 промышленных предприятий, в число которых входили такие гиганты нашей отечественной индустрии, как Тракторный завод и металлургический завод «Красный Октябрь». Уничтожены были 124 школы, 54 лечебных учреждения, 96 детских садов, 71 библиотека, 505 магазинов. Театры, институты, техникумы, больницы, даже трамвайные пути — все было сметено с лица земли жестоким врагом.

Но Сталинград был и остался нашим!

Девять лет прошло с тех пор.

Как же выглядит Сталинград сейчас? Как прожил он эти девять лет? Что делали советские люди для города, носящего имя любимого вождя? Как живут и трудятся сталинградцы ныне?

Февраль 1952 года... Какие бы слова ни подыскивал я для рассказа о том, сколько трудностей пришлось преодолевать сталинградцам за годы, отделяющие нас от окончания великой битвы,— любые слова бессильны перед лаконичным языком цифр, в которых, как в зеркале, отражены весь титанический труд и успехи сталинградцев.

На 1 января 1952 года жилой фонд города достиг 1.823.000 квадратных метров. Восстановлены все заводы и предприятия. Выстроено заново 90 школ, 59 лечебных учреждений, 95 детских садов, 76 библиотек, 482 магазина, 4 института, 10 техникумов, 2 театра, 10 кинотеатров. Мощность городского водопровода доведена до довоенного уровня. Только за последние два года заасфальтировано более 700.000 квадратных метров дорог и тротуаров. Площадь зеленых насаждений увеличилась на 500 гектаров; посажено более 38.000 взрослых деревьев.

...Сегодня — тихий морозный день. Сталинград в голубоватой дымке. Нет-нет, и сорвется снежинка — тихо, спокойно...

Пройдем по центральной части города, порадуемся вместе чудесным изменениям. Вот площадь Павших борцов. Те, кто был в Сталинграде до войны, не узнают ее. Площадь стала шире, просторнее, красивее, наряднее. В центре ее — монумент товарища Сталина. Вот широкая улица, выходящая на площадь, — улица Мира, одна из лучших в городе. Ее не было в предвоенном Сталинграде. Вот здание универмага: в его подвале 31 января 1943 года был взят в плен фельдмаршал Паулюс со своим штабом. Да, немало изменений произошло в мире после победы, одержанной в Сталинграде.

Улицу Мира пересекает Комсомольская улица. Командарм легендарной 62-й армии В. Чуйков во время осады высказал мысль о том, чтобы назвать именем комсомольцев-героев лучшую улицу Сталинграда. И вот улица есть; она обильно засажена молодыми деревьями. Густой иней сегодня сделал хрупкие деревца сказочно прекрасными...

В конце улицы Мира идет подготовка площадки для строительства планетария, одного из красивейших сооружений Сталинграда. Есть глубокий и большой смысл в том, что оборудование для планетария прислали сталинградцам трудящиеся Германской Демократической Республики.

А вот и проспект имени товарища Сталина, он идет параллельно улице Мира, параллельно Волге. Правда, проспектом его можно пока назвать условно — проложены только проезжая часть и тротуары для прохожих. Вдоль проспекта — заборы, заборы. Сталинградцы знают: раз появились заборы, значит скоро начнут расти и стены домов. Проспект пересекает весь город — с юга на север. Он имеет в длину почти шестьдесят километров и связывает две великие стройки коммунизма — Сталинградскую ГЭС и Волго-Донской канал. С особенной любовью сталинградцы отстраивают и благоустраивают эту улицу, которая должна быть и будет прекрасной. Уже сейчас, выехав из центральной части города, можно увидеть кварталы выходящих на проспект зданий. В них живут рабочие, инженеры и техники завода «Красный Октябрь», предприятий Баррикадного района, Тракторного завода.

Стройка идет!

Идет днем и ночью. В дождь и мороз, в пургу и в знойные дни. Растут стены вокзала, городской гостиницы. Отделываются фасады многоэтажных домов. Расписываются стены и потолки в новом, реконструированном здании Театра имени Горького. Строители приступили к сооружению широкой парадной лестницы, ведущей из Аллеи героев к Волге.

Решения правительства о сооружении в районе Сталинграда двух великих строек коммунизма наложили свой отпечаток на жизнь города-героя. Десятки предприятий, больших и малых, оказывают им помощь. Весь город живет сейчас интересами Волго-Донского судоходного канала—ведь до открытия канала осталось всего несколько месяцев.

Шумно на железнодорожных путях. Один за другим приходят поезда со всех концов страны. Они везут строительные материалы, оборудование для великих строек. На улицах тесно от автомашин. Одного кирпича они должны доставить стройкам 500 миллионов штук в год.

В поселке Рынок, что за Тракторным заводом, на крутом обрывистом волжском берегу есть две братские могилы. В них похоронены герои-воины, павшие смертью храбрых в боях за Сталинград.

Между этими могилами стоит пробитая снарядами, иссеченная осколками трансформаторная будка. В стенах ее застряли пули, куски давно остывшей, когда-то смертоносной стали. И именно здесь, в этом месте, упрется в волжский берег гигантским плечом своим плотина Сталинградской гидроэлектростанции.

Память о героях—защитниках Сталинграда — осеняет труд строителей, приехавших сюда со всех концов необъятной нашей страны.

И какой великий смысл заложен в том, что здесь, на сталинградской земле, где девять лет назад завершилась героическая битва с врагом, сейчас развернулась новая грандиозная битва за преобразование природы, за победу коммунизма.

СТАЛИНГРАД. **(По телефону)**

В беседе с нашим корреспондентом...

Завтрашний день Кубани

В течение ближайших трех лет в колхозах Краснодарского края будут полностью механизированы все работы на полях и животноводческих фермах. Ручной труд колхозника полностью заменит машина. В адрес машинно-тракторных станций, колхозов и совхозов Краснодарского края уже идут эшелоны с тракторами, плугами, сеялками, со всевозможными машинами для садов и огородов, с оборудованием для животноводческих ферм.

Корреспондент «Литературной газеты» попросил знатного комбайнера страны К. Борина, работающего ныне заместителем начальника Главного управления МТС Министерства сельского хозяйства СССР, рассказать, как осуществляется полная механизация сельскохозяйственных работ на Кубани.

— От работы машинно-тракторных станций, — заявил он, — будет во многом зависеть успешное выполнение этого плана механизации колхозного производства. Ведь главная цель плана заключается в том, чтобы создать условия наилучшего, полного использования машин и механизмов. Между тем ручной труд, существующий еще на многих участках полевых работ, мешает их полной механизации.

Приведу пример: в прошлом году в Краснодарском крае 99 процентов пахоты и сева, 92 процента уборки колосовых, 99,9 процента уборки подсолнечника выполнялись машинами. И в то же время, как правило, вручную проводятся очистка и погрузка зерна, сбор и скирдование соломы и половы, уборка хлопка, посадка леса, табака. В результате работа высокопроизводительных машин сдерживается ручным трудом на последующих этапах. Это ведет к затягиванию полевых работ, к потерям урожая. Часто сапка, о которой в свое время писала «Литературная газета», отнимает у колхозов уйму людей, снижает эффективность работы машин.

Краснодарский край станет первым в нашей стране, где сапка будет вытеснена, где машина полностью заменит ручной труд и в поле и на животноводческой ферме.

— Сколько же новых машин потребуется для осуществления этого решения?

— Край получает несколько тысяч тракторов, тысячи сельскохозяйственных машин и орудий пятидесяти наименований, электрические моторы и многое другое. Краснодарцам предстоит подготовить 37.000 механизаторов.

— Какие экономические выгоды получат колхозы и колхозники?

— Огромные. Комплексная механизация даст возможность при меньших затратах труда более полно использовать имеющуюся технику, своевременно и высококачественно проводить сельскохозяйственные работы, широко применять достижения агротехнической науки и передового опыта. Колхозники будут освобождены даже от таких работ, как, например, взвешивание, очистка и погрузка зерна на токах, уборка с полей и скирдование соломы и половы, очистка полей от стеблей подсолнечника. На 90 процентов будут механизированы работы по силосованию кормов, уборке трав, посеву и посадке лесных полос. На 80 процентов механизируются посадка табака, обработка огородных и бахчевых культур, уход за садами и виноградниками, строительство прудов, водоемов, колодцев и ряд других работ.

Это серьезный вклад в экономику колхозов. Например, колхозы, обслуживаемые Афинской МТС, благодаря комплексной механизации уже в прошлом году сэкономили свыше 130.000 трудодней.

— Когда будут завершены все эти работы?

— В 1952—1954 годах в Краснодарском крае должны быть комплексно механизированы основные сельскохозяйственные работы в полеводстве и садоводстве.

Самолеты сеют леса

Саксаул называют «деревом пустыни». Его необычные, в виде чешуек, листья мало испаряют влагу. Кустарник может расти на песках, разветвляя свою мощную корневую систему до грунтовых вод. В зарослях саксаула всегда появляется травянистая растительность, закрепляющая пески. Сейчас в пустынях Средней Азии, в особенности в зоне Главного Туркменского канала, производится посев саксаула с самолетов.

Корреспондент «Литературной газеты» обратился к заместителю начальника Главного управления полезащитного лесоразведения тов. И. Чодришвили с просьбой рассказать об этих работах.

— Советские лесоводы, — ответил он, — имеют богатый опыт разведения лесов в пустыне. За последние годы создано около 80.000 гектаров насаждений саксаула и других лесных пород в Узбекистане, где с помощью самолетов было засеяно саксаулом в одном только Шафриканском опытно-показательном лесхозе 30.000 гектаров. Свыше 10.000 гектаров кандымника — другого вида кустарника—остановили движение песков на правом берегу Аму-Дарьи в Туркмении. Новые лесные насаждения задерживают пески в Небит-Даге, Кара-Богаз-Голе и вдоль Ашхабадской железной дороги.

Вдоль Главного Туркменского и вспомогательных — оросительных — каналов, по границам земель нового орошения, вокруг промышленных предприятий и населенных пунктов, которые строятся в пустыне, движение песков должно быть задержано на площади в полмиллиона гектаров. Такую работу проделать без помощи авиации было бы невозможно. Опыты показали, что аэросев леса в пустыне можно проводить только в январе-феврале, когда в верхних слоях песка имеется хотя бы небольшой запас влаги, необходимой для прорастания семян.

Большие трудности представляют сбор семян саксаула и их посев. У семян саксаула имеются крылышки, которые мешают посеву их механическим путем. Пришлось сконструировать новую лесную машину — обескрыливатель семян. Создается также машина для пневматического сбора семян саксаула. Для закрепления и облесения песков только в зоне Главного Туркменского канала потребуется в год до 600 тонн семян саксаула.

— Как будут задерживаться пески во время строительства Главного Туркменского канала?

— Часть наиболее подвижных песков в зоне канала до появления зеленой защиты будет на первых порах останавливаться битумным раствором. В зоне канала будет также создано до двадцати тысяч гектаров лесных насаждений из высокоствольных, быстро растущих древесных пород: тополя, белой акации, гледичии, каратача, шелковицы. Будут высажены также дуб и чинар. В южной части канала появятся рощи сухих субтропиков — инжира, граната, маслин, финиковой пальмы. В питомниках уже началась подготовка посадочного материала.

Для выполнения этого грандиозного плана в зоне канала созданы Кара-Калпакское, Ташаузское и Небит-Дагское территориальные управления, Нукусский и Ленинский государственные лесные питомники.

Международные отклики

ВОКРУГ ВЫСТУПЛЕНИЯ г-на КЕККОНЕНА

В финской газете «Маакансa» 23 января был опубликован текст речи премьер-министра Финляндии Урхо Кекконена, которую он не смог произнести из-за внезапного заболевания. Это выступление финского премьера, вызвало широкие отклики на Западе и в первую очередь в скандинавских странах.

Чем же вызван столь большой интерес к речи г-на Кекконена? Ответ на этот вопрос дают как содержание самой речи, так и отклики печати на нее.

В своем выступлении г-н Кекконен, отметив с тревогой «крайнюю напряженность» международного положения, подчеркнул волю финского народа к сохранению мира. В этой связи он заявил, что финны «добровольно, для обеспечения мира в нашей стране и для развития политики мира в Северной Европе, заключили с Советским Союзом договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи». Напомнив далее, что военное сотрудничество между обеими странами «возникнет лишь в том случае, если Финляндия или Советский Союз через территорию Финляндии подвергнутся вооруженному нападению», г-н Кекконен совершенно справедливо привлек внимание к тому очевидному факту, что «практически такое нападение может произойти лишь через территорию какой-нибудь граничащей с Финляндией скандинавской страны». Поэтому, подчеркнул финский премьер, интересам Финляндии соответствовал бы «претворенный в жизнь и обеспеченный нейтралитет скандинавских стран».

Большинство финских газет, приветствуя это заявление г-на Кекконена, отметило его важное международное значение. Газета «Хувудстадсбладет», также отмечая значение призыва финского премьера для укрепления мира, выражает сожаление по поводу того, что другие скандинавские страны, и прежде всего Норвегия и Дания, «отошли от своей традиционной политики нейтралитета». Подчеркивая, что в выступлении Кекконена содержится прямой призыв к Дании и Норвегии — выйти из Атлантического пакта, газета «Вапаа сана» пишет: «В этом отношении премьер-министр высказал не только свою собственную точку зрения, но и отразил господствующее у нас общественное мнение на этот счет».

Широко комментирует выступление Кекконена и печать Швеции. Отражая мнение некоторых буржуазных кругов, газета «Стокгольмстиднинген» делает такой вывод: «Заявление Кекконена дает повод для размышлений тем немногим, но крикливым политикам Швеции, которые при всякой погоде говорят, что место Швеции — в блоке великих западных держав».

В то же время выступление финского премьера вызвало истерику у американских и проамериканских органов реакционной печати. В Дании и Норвегии эти газеты, явно пытаясь ослабить впечатление от речи финского премьера, всячески упирают на то, что «решение уже принято» и для этих государств иной путь якобы уже «невозможен».

Разоблачая лживость и несостоятельность утверждений реакционной печати, финская газета «Тюэкансан саномат» отмечает, что в Норвегии и Дании все сильнее нарастает недовольство народов агрессивной политикой США. Это обстоятельство подчеркивает и датская газета «Ланд ог фольк», которая пишет: «Особенно важным в заявлении премьер-министра Финляндии является то, что он указывает другой путь, нежели путь политики Северо-Атлантического пакта и войны».

◇ ◇

ПРИНЯТО ЕДИНОГЛАСНО...

Вашингтонские политики не слишком считаются с болезненным самолюбием своих анкарских лакеев, подчеркивающих «равноправие» между Турцией и США. Чего стоит на деле это хваленое «равноправие», показывает один весьма характерный эпизод, разыгравшийся в американском сенате 29 января. В этот день сенату было предложено ратифицировать специальный протокол о приеме Турции и Греции в Северо-Атлантический союз.

Сначала член комиссии по иностранным делам сенатор Джордж произнес похвальное слово о «замечательном вкладе» Турции и Греции в... «дело мира» (он имел в виду американскую авантюру в Корее и подготовку агрессии на Ближнем Востоке! — **Лит.**). Затем желающих выступить не оказалось: к чему разводить прения, сенаторы—люди деловые, им хорошо известно, что Турция и Греция давно уже находятся в жилетном кармане США?!

Однако председательствовавший, оглядев все 96 сенаторских кресел, намекнул, что следовало бы, хоть для приличия, еще кому-нибудь взять слово. Ему на помощь пришел немедленно сенатор-демократ Магнасон, который заявил, что хотя никакой предварительной договоренности между демократами и республиканцами и не было, ему неизвестно о каких-либо возражениях против протокола.

Наконец, приступили к голосованию. Настал момент, которого так долго ждали в Анкаре и в Афинах: сенат США ратифицировал протокол! Но к этой торжественной картине следует прибавить еще лишь одну деталь. Подсчет поданных голосов не занял много времени, так как на заседании из 96 членов сената присутствовало... 6 сенаторов!

И только через два дня в Вашингтоне спохватились. 31 января сенат США на чрезвычайном заседании принял решение: предложить Трумэну вернуть в сенат резолюцию, одобряющую ратификацию протокола о приеме Турции и Греции в Атлантический пакт. Внося такое предложение, лидер демократов Макфарланд утверждал, что повторное голосование устранит возможность «неправильного толкования» позиции США.

Вряд ли, однако, запоздалые трюки Макфарланда и его коллег спасут положение. Смехотворная «процедура» 29 января убедительно показала всему миру, с каким пренебрежением американские боссы относятся к своим турецким и греческим наемникам...

ЛИТЕРАТОР

НА НОВОЙ ТРАССЕ МОСКОВСКОГО МЕТРО

Величественное и прекрасное

Ефим ДОРОШ

Это было семнадцать лет тому назад, в мае, после промчавшегося над Москвой стремительного дождя. Сияло солнце. Блестели мокрые тротуары.

Толкнув тяжелую, сверкавшую стеклом и медными пластинами дверь, вместе с другими москвичами впервые в жизни вошел я в прохладный вестибюль только что пущенного метро.

Такой бывает первая встреча с морем, со степью, с лесом...

Не думаешь, к примеру, о том, что море богато рыбой, что оно, как сказано в словарях, «часть водной оболочки Земли, огромное углубление, впадина в земной поверхности, заполненная горько-соленой водой». Об этом вспоминаешь позднее. А при первом взгляде целиком, без остатка, отдаешься наслаждению видеть величественное и красивое.

Точно так же и с нашим Московским метрополитеном, который, конечно, «подземная железная дорога», причем очень удобная, перевозящая пассажиров с максимально возможной скоростью, и в то же время — каждодневный источник эстетического наслаждения для миллионов людей, произведение искусства.

В тот памятный день — теперь это трудно представить себе — в Москве еще не было ни высотных зданий, ни жилых ансамблей на улице Горького, на Калужской, на Можайском шоссе, ни Дома Совета Министров в Охотном ряду, ни новых кварталов на Песчаной, ни архитектурных сооружений Канала имени Москвы, ни многих бульваров... Первые станции метрополитена явились как бы предвестником того нового, что вносил в облик древнего города сталинский генеральный план реконструкции нашей столицы. В этих станциях намечены были черты новой, советской архитектуры, выражающей радость и красоту социалистической жизни.

Не будет преувеличением сказать, что Московский метрополитен оказал огромное влияние на развитие всего нашего зодчества, что он участвует в формировании художественных вкусов миллионов людей. Ведь это, в сущности, уже нечто от коммунистического общества, когда человек изо дня в день — не в музее, не на выставке, а по дороге на завод, в учреждение — находится в атмосфере прекрасного. Самое замечательное, что это прекрасное становится привычной нормой, как воздух, как небо над головой,— нормой не только для москвичей, живущих в одной из красивейших столиц мира, но и для великого множества советских граждан, в какой бы, по старым представлениям, глуши они ни жили.

Семнадцать лет тому назад, через два дня после пуска первой очереди метро, я приехал в Сальскую степь, в места, где сейчас возводятся гидротехнические сооружения, которые, как мы знаем, найдут соответствующее их исполинским масштабам архитектурное оформление. В ту пору там были лишь глинобитные степные мазанки. А вот недавно секретарь одного из тамошних райкомов показывал мне строящееся здание районного Дома партийного просвещения, в архитектуре которого, в проектируемой отделке угадывалось что-то родственное Московскому метрополитену. Что-то знакомое, отдаленно напоминающее столичное метро, увидел я недели две тому назад в оформлении зала заседаний редакции районной газеты. Наконец, хочется назвать еще великолепное Симферопольское шоссе, на котором где-нибудь в глухой степи можно встретить мост, оформленный узорчатым чугунным литьем, каменными цветочными вазами и стеклянными шарами фонарей на металлических мачтах.

Я сознательно выбрал именно эти скромные объекты — обычный дорожный мост и два заурядных районных учреждения. Не только в грандиозных сооружениях нашего времени — в высотных зданиях, плотинах, гидроэлектростанциях, театрах, набережных, стадионах и дворцах культуры — ощущаем мы возросшие эстетические потребности народа, видим особенности того художественного архитектурного стиля, который сложился в нашей стране за то время, что отделяет нас от знаменательного дня пуска первой очереди Московского метрополитена.

Как и тогда, как много раз за все эти годы, даже в суровые дни Великой Отечественной войны, распахнулись недавно двери четырех новых станций второй очереди Большого кольца метро.

Вместе с многими москвичами, с приезжими из Смоленщины и Белоруссии, для которых это были как бы ворота столицы, вошел я впервые в пассажирский зал станции «Белорусская-кольцевая», построенной по проекту архитекторов Н. А. Быковой и И. Г. Таранова, в соавторстве с З. Ф. Абрамовой, А. А. Маровой, Я. В. Татаржинской и Ю. А. Черепановой.

На гигантском ковре, составленном из белых, красных, черных и серых керамических плиток, двумя рядами стоят облицованные по цоколю белым уральским мрамором оштукатуренные арки, спокойно и плавно переходящие в свод потолка. В простенках между арками укреплены вырезанные из мрамора и хрусталя чаши-светильники, рассеивающие вокруг ровный свет летнего полдня. Потолок кажется легким, почти невесомым, взгляд уходит в него, как в небо, задерживаясь лишь на замечательных мозаичных картинах, глубоко врезанных в свод.

Картины эти, выполненные по эскизам художника Г. И. Опрышко из кусков цветного камня, — то новое, что прежде всего отличает эту станцию от предыдущих, построенных в прежние годы. Мастер настолько овладел материалом, естественным цветом камня, непокорной природой его, что временами кажется, будто это не мозаика, но живопись красками. Забываешь о камне при взгляде на свободно посаженную голову девушки-учительницы, увенчанную короной из туго заплетенных золотистых волос, при взгляде на елочку, опушенную снегом, или же на одежды колхозниц, пляшущих, видимо, «Лявониху».

Мы уже давно привыкли к тому, что наше метро не только вид транспорта, инженерное сооружение; давно забыли думать о том, что над сводами этих дворцов, за их стенами лежит земля, зачастую зыбкие плывуны, и все же здесь, на «Белорусской-кольцевой», в значительно большей степени, чем на старых станциях, чувствуешь себя не столько пассажиром, сколько посетителем музея. Да и милиционеры, торжественно, пожалуй, даже с некоторой гордостью прохаживающиеся по залу, право же, напоминают чем-то тех чинных служителей, каких мы обычно встречаем в музейных залах. И еще раз думаешь о том близком уже времени, приметы которого столь осязательны, когда атмосфера искусства, высокой художественности будет повсюду, на каждом шагу окружать советского человека.

После строгих линий «Белорусской-кольцевой», после ее неярких красок, простора, какой-то, я сказал бы, безоблачности, попадаешь в пестрый, причудливый мир старой русской сказки, каким встречает пассажира станция «Новослободская».

Она построена по проекту члена-корреспондента Академии архитектуры СССР А. Н. Душкина и архитектора А. Ф. Стрелкова. Для художественного оформления этой станции впервые в практике метростроителей применены витражи — картины, составленные из кусочков цветного стекла. Выполнены они рижскими мастерами по эскизам художника П. Д. Корина.

Их красный, оранжевый, зеленый, желтый, синий орнаменты, окаймленные, как и арки, широким и выпуклым золоченым узором, в сочетании с крупными черными и серыми плитами гранитного пола, с белым сводом потолка и опрокинутыми зонтами матовых стеклянных люстр создают впечатление сказочного терема. Здесь вспоминается детство — Золотой петушок, царь Додон, Жар-птица...

А на следующей станции — «Ботанический сад», построенной по проекту действительного члена Академии архитектуры СССР В. Г. Гельфрейха и архитектора М. А. Минкуса, чувствуешь себя, как в цветущем яблоневом саду. Она вся белая, чуть тронутая золотом, словно пчелы кружат среди распустившихся пышно яблонь. Чуть расширяющиеся кверху, облицованные белым уральским мрамором пилоны подобны могучим стволам, соединившим свои ветви, с которых пучками тропических цветов свисают хрустальные люстры.

Ясность замысла, идеи, отчетливому выражению которой способствуют творческие усилия всего коллектива строителей,— вот, пожалуй, самое главное, что радует в новых станциях метро. О каждой станции можно рассказать, как рассказываешь содержание книги, картины, спектакля. И особенно это относится к станции «Комсомольская-кольцевая», сооруженной по проекту выдающегося советского зодчего, ныне покойного академика А. В. Щусева, соавторами которого были действительный член Академии архитектуры СССР В. Д. Кокорин и архитектор А. Ю. Заболотная при участии архитекторов О. А. Великорецкого и А. Ф. Фокиной.

Невольно завидуешь тому гражданину нашей страны, который, впервые приехав в Москву, войдет в центральный зал станции и остановится, пораженный огромными размерами этого поистине подземного дворца. Исполинский свод зала покоится на стене с аркадой, опирающейся на бесконечный ряд восьмигранных столбов, облицованных, как и стена, светлым, теплых тонов мрамором. Строгий, отполированный до зеркального блеска пол придает залу величавость, подчеркивает своей простотой пышную композицию потолка.

Взгляд скользит вверх и долго не может оторваться от зрелища чередующихся золотых барельефов на красном поле, обрамленных белой лепной рамой. Они посвящены славе русского оружия и выполнены по моделям скульпторов С. В. Казакова и С. М. Сергеева. А выше, в центре свода, вдоль его продольной оси, расположены восемь огромных многофигурных мозаичных картин, исполненных из кусочков мрамора, яшмы, гранита, цветного стекла и керамики по эскизам П. Д. Корина.

Славные русские полководцы прошлого — Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов, Кутузов, окруженные своими соратниками, изображены на пяти из этих картин. На двух картинах — взятие рейхстага и парад Победы в Москве. Наконец, на центральной картине изображен товарищ Сталин во время исторического парада на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Великолепны эти ворота в Москву, их дворцовая торжественность, их величественность, столь соответствующие столице могучего государства, занятого мирным созидательным трудом.

И когда по нескончаемой ленте эскалатора впервые приехавший в Москву советский гражданин поднимается наверх, его приветствуют уходящие в белое зимнее небо шпили высотных зданий.

Есть нечто общее между дворцами, расположенными под землей, и этими, устремленными к облакам. Они прекрасны. Если в мире капитализма, где в основе всего чистоган, барыш, подобные сооружения безобразны, потому что красота не приносит дохода, то в нашем обществе, основой которого является забота о человеке, о его совершенствовании, и подземная железная дорога, и гигантский жилой дом — произведения искусства.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Детским музыкальным школам нужна помощь

Жители Омска гордятся своей детской музыкальной школой, которая за три десятилетия своего существования воспитала немало одаренных музыкантов. В конце каждого учебного года школа устраивает публичные отчетные концерты учащихся, и всегда эти концерты проходят с успехом. Преподавательский коллектив музыкальной школы трудится с большим энтузиазмом. Но вся беда в том, что музыкальная школа, в которой обучаются 239 детей, ютится в трех полуподвальных комнатах. В этих классах проводятся только групповые занятия, индивидуальные занятия по специальности проходят на квартирах у преподавателей. Нет необходимости доказывать, насколько ненормально такое положение.

Вопрос о предоставлении помещения детской музыкальной школе не раз ставился перед Омским горисполкомом. Давно есть решение по этому вопросу, но оно до сих пор не выполнено.

Пора, наконец, создать условия для нормальной работы детской музыкальной школы.

И. КУДИНОВ

ОМСК

***

В г. Днепропетровске при средней школе № 81 Кировского района существует детская музыкальная школа, в которой обучаются 200 детей. Школа помещается в трех маленьких комнатках, две из которых представляют собой неизолированные уголки коридоров. К тому же одна из комнат не отапливается, так как по условиям пожарной безопасности в ней нельзя установить никакой печки. Многие ученики вынуждены заниматься на квартирах у преподавателей, а это лишает руководство школы возможности контролировать проведение уроков по специальности. Академические концерты учащихся, имеющие большое значение в учебном процессе, приходится проводить в коридоре, рядом с которым находятся кухня и другие подсобные помещения.

Дирекция школы неоднократно обращалась в Кировский райисполком, в горисполком. Райисполком принял решение просить горисполком предоставить музыкальной школе помещение в одном из строящихся домов. Когда я обратилась к председателю горисполкома тов. Гавриленко, он мне заявил, что горисполком школе помочь ничем не может.

В. ЗАМЧИЙ,
директор детской музыкальной школы № 3

ДНЕПРОПЕТРОВСК

Вклад Клавдии Барановской

РИГА. **(Наш корр.).** Политотделом Латвийской железной дороги издана книга о методе инженера-экономиста Клавдии Барановской, инициатора социалистического соревнования за снижение себестоимости перевозок на транспорте. Доклад К. Барановской о ее методе был заслушан на заседании Ученого совета Московского транспортно-экономического института, на которое были приглашены представители Ярославской, Северной, Латвийской, Московско-Курской и других железных дорог страны.

К. Барановская получает много телеграмм и писем со всех концов страны. Экономисты, плановики, бухгалтеры, бригадиры, инженеры пишут из Читы, Ленинграда, Баку, Москвы, Минска и других городов, интересуясь, как удалось ей добиться успеха. Книга, вышедшая в эти дни, дает ответ на этот вопрос.

С. ГАРИН — ФЕЛЬЕТОН

Защищая товарищество

Перед нами пухлая папка — «Дело».

Документов в папке немало. Одинаковая бумага. Одна и та же немудреная канцелярская техника; номера входящие и исходящие, даты, резолюции. Но сколько жизни, света и человечности в одних бумагах, и каким постылым равнодушием веет от других!

Минувшим летом всесоюзная двухгодичная школа, выпускающая мастеров мельничного дела, произвела очередной набор учащихся. В числе других стали слушателями школы, выдержав положенные экзамены, Лидия Ильяшенко и Александра Вишнева. Два месяца они прилежно учились, как вдруг в дирекцию школы пришла бумажка за подписью начальника Главкрупы Н. Ф. Цыся. Он категорически требовал «освободить тт. Ильяшенко и Вишневу от занятий в школе и прекратить выдачу им стипендии».

Начальник Главкрупы выкладывает убийственные аргументы: «люди случайные», «ранее в Москве не проживали», «не представляют себе условий, характера и ответственности работы в качестве будущих мастеров крупозаводов». В качестве еще одного довода приводятся подробные выписки из послужных списков Вишневой и Ильяшенко за последние пять лет. Оказывается, одна из девушек была машинисткой, а другая, к еще большему негодованию взыскательного начальника Главкрупы, работала официанткой.

Все в этой грозной бумаге было неясно, непонятно и... подозрительно. Разве только эти две девушки «ранее в Москве не проживали»? И что в этом криминального? Или с каких пор в мельнично-крупозерном деле машинистки и официантки подвергаются «дискриминации» — считаются людьми случайными и правом на образование не пользуются? Конечно, и это — чепуха... Наконец, откуда известно тов. Цысю, что Ильяшенко и Вишнева «не представляют себе условий, характера и ответственности работы в качестве будущих мастеров»? Тут тов. Цысь, вероятно, захочет сослаться на свою личную беседу с девушками...

Обычно в наших вузах для молодых людей, которым пришла пора избрать профессию, устраивают «день открытых дверей». Беседу начальника Главкрупы с двумя девушками по праву можно было назвать «часом закрытых дверей». Не жалея красок, он рисовал перед девушками картину одну мрачнее другой; что, мол, такое наша специальность? Грязь, прохот, шум — и больше ничего! Девушки слушали крупяное начальство с изумлением на лицах. И именно это их погубило. Это их изумление тов. Цысь отнес за счет того, что они... ничего не знали о своей будущей профессии.

Но кто же, в самом деле, эти, по Цысю, «случайные люди»?

...Лиде Ильяшенко было пятнадцать лет, когда она пришла на одну из батарей, стоявших на защите Сталинграда. «Моего отца, коммуниста, — сказала она, — искалечили гитлеровцы. — Буду сражаться до полной победы над врагом!» Лида стала солдатом-связистом, сражалась за Сталинград, прошла с честью всю войну, заслужив несколько боевых правительственных наград. Таким же воином-разведчиком была и Саша Вишнева, также удостоенная боевых наград Родины. Как у человека может повернуться язык, чтобы назвать этих девушек «случайными людьми»?!

В чем же истинная причина того, что тов. Цысь вдруг так разгневался и лично занялся подбором и исключением слушателей школы? Причина такова: когда шли экзамены, он прислал в школу некоего Н. Тубольцева. Этот человек хорошо знал начальника Главкрупы, но абсолютно не был осведомлен о предметах, по которым ему пришлось держать экзамен. И он провалился. Его не приняли. Это вызвало первую вспышку гнева тов. Цыся. Еще больше разгневался Цысь, когда кто-то услужливо сообщил ему, что Ильяшенко и Вишнева во время войны служили в том самом полку, где был политработником нынешний директор школы. «Ага! Все ясно! Моим людям отказывать, а своих принимать? Посмотрим, кто сильнее!»

И вот мы читаем собранные в папке гневные письма руководителей партийной и профсоюзной организаций школы, директора, начальника учебной части, негодующие письма бывших солдат и офицеров, узнавших о том, что их полковые товарищи попали в беду, читаем страницы из боевого дневника полка, посвященные подвигам ефрейторов Вишневой и Ильяшенко. Читаем — и вспоминаем вдохновенные слова Гоголя: «Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество!»

Вот и нас подхватило это славное чувство. Подхватило и повело в министерство, которому подчиняется Главкрупа. Там мы беседовали с многими работниками, в том числе с заместителем министра Алексеем Романовичем Бобровым. В свое время он специально приезжал в школу, чтобы разобраться в затеянном тов. Цысем «деле». Правда, в ту пору он еще не был заместителем министра,—он был начальником главка. Разобравшись в этом деле, он тогда сказал директору школы: «Приказ нелепый». Допустим, что, будучи тогда на равном положении с тов. Цысем, он не мог принять решительных мер. Допустим. Но почему сейчас он не дает нужной оценки поступку начальника Главкрупы? Почему не сказал своего слова и другой заместитель министра — тов. Паршин, работники которого также расследовали это «дело» и также разделяют всеобщее возмущение?

Навестили мы и начальника Главкрупы. Встреча произошла в день его возвращения из отпуска.

— Девушки? — переспросил Н. Цысь.— Ах, эти! Видите ли, я отдыхал сорок дней и еще не в курсе дела. Неужели их еще не исключили?

Мы беседовали около часа. Только под конец беседы, желая, видимо, ошеломить нас, Николай Федорович привел главный «довод»:

— Нужно еще разобраться... Говорят, они вместе с директором школы служили в одной части. Знаем мы это! Тут дело нечистое...

Да, бывают на свете такие приятельские отношения, которые мешают делу. Но мы никому не позволим осквернять светлое чувство товарищества, которым освещена и согрета вся наша жизнь, работа, борьба. Не позволим это и тов. Цысю, тем более, что он одновременно замахнулся на судьбу двух славных советских девушек.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПСЕВДОНАУЧНАЯ КНИГА»

В связи с напечатанной в «Литературной газете» статьей А. Анастасьева «Псевдонаучная книга», отмечающей серьезные недостатки в книге И. Гуторова «Эстетические основы советской литературы», Институт литературы и искусства Академии наук БССР при участии Белорусского университета, высших учебных заведений, писателей, критиков, журналистов Минска провел широкое обсуждение книги И. Гуторова «Эстетические основы советской литературы».

— Проведенная дискуссия,—пишет главный ученый секретарь президиума Академии наук БССР С. П. Маргунский,— подтвердила правильность критики недостатков книги И. Гуторова, на которые справедливо было указано на страницах «Литературной газеты». Наряду с этим на дискуссии были обсуждены вопросы создания полноценного труда по эстетике советской литературы. На этой же дискуссии были вскрыты причины появления книги И. Гуторова, содержащей серьезные недостатки.

Персональное дело

Ф. ВИГДОРОВА

В июне 1950 года Лену В. приняли в комсомол. А в марте 1951 года было решено из комсомола ее исключить. Выписка из протокола комсомольского собрания II курса литфака Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена от 26 марта 1951 года гласит: «Слушали: персональное дело Елены В. Постановили: исключить студентку Елену В. из комсомола. Просить дирекцию института исключить Елену В. из института».

— Я знала обо всех недостатках В., — сказала на этом собрании одна из подруг Лены,— и я совершила большую ошибку, что не сказала о них, когда Лену принимали в комсомол. Я чувствовала, что, если скажу, ее не примут. Мне часто говорила ее мать, что Лена в душе чистый и цельный человек. И я решила, что комсомол перевоспитает ее. Совсем недавно я сделала окончательный вывод о ее распущенности и опустошенности.

Другая студентка сказала:

— Пребывание В. в комсомоле — позорный факт. До поступления в институт я работала в школе, где педагогический коллектив научил меня относиться к каждому ученику очень чутко, человечно. Так я подошла и к Лене. Ее поведение меня возмущало, я делала ей замечания, старалась объяснить ей ее ошибки. Но В. на замечания отвечала дерзостью. В результате наблюдения за В. я пришла к выводу, что ее моральный облик можно объяснить разложением нравственности, душевной пустотой. Она — не наша.

Некоторые студенты, требуя исключения, говорили: В.—не наш человек. В решении собрания было записано так: «Комсомольцы нашего курса полностью осознали ошибку, которую они допустили, приняв В. в комсомол. Мы знали, что в комсомол принимают самых лучших, но в отношении В. наша организация поступила иначе. Не совсем хорошо зная В., мы считали, что, приняв ее в комсомол, мы поможем ей избавиться от замеченных уже тогда некоторых недостатков. Но недостатки оказались не некоторыми и не внешними, а явились основным содержанием характера В. Комсомольская организация считает, что таким людям не место в комсомоле».

***

Три года назад Лена В. кончила десятый класс одной из ленинградских школ. Был это характер неустановившийся, сложная смесь привлекательных и отталкивающих черт. Был человек совершенно правдив, никогда не скрывал никаких своих проступков. Сердечен — никогда не оставался равнодушным к чужой беде. Горяч — все, что творилось вокруг, все, что происходило в школе, было и делом Лены В., ее личным волнующим делом. А рядом с этим уживались грубость, развязность, рисовка.

Однажды она нагрубила учителю, и когда класс вынес ей порицание, сказала:

— Мне безразлично, что вы обо мне думаете!

Несколько дней спустя она писала своему учителю: «Я думаю о том, как я вся сожмусь от стыда, когда приду в класс. Я помню все, в чем виновата перед Вами, перед девочками. Мне стыдно, даже на белый свет смотреть неохота».

Медленно-медленно менялся этот характер. Когда казалось, что все уже хорошо, случалась новая неприятность, новая вспышка, нелепая выходка.

...В десятом классе преподаватель литературы дал тему для классного сочинения «Моя мечта». И Лена написала: «Я буду учительницей. Как-то я делала доклад по геометрии. Я вообразила, что я учительница, а также я решила, что передо мной мой класс, которому я должна рассказать урок... А потом Екатерина Александровна сказала, что я была похожа у доски на молодую учительницу».

Может быть, мысль об учительской работе пришла случайно, от привычки смотреть на себя со стороны, немного позировать. Но постепенно желание стать учительницей крепло, становилось глубже, сознательнее. «Чем больше думаю о том, как много дали мне мои учителя, тем больше понимаю, как это важно для человека: хороший учитель,— писала Лена в другой раз.— Да, я буду учительницей. Я постараюсь быть очень хорошей учительницей. Я знаю, что не все будет прекрасным на моем будущем пути. Будут и шипы, и еще какие шипы! С моим-то характером! Но я так решила, и решение мое неизменно!»

Окончив десятый класс, Лена поступила в Педагогический институт имени Герцена. Она часто приходила в свою школу, сидела на уроках («это — лучшая практика», — говорила она), но об институте рассказывала скупо. «Я чувствую себя там плохо», — призналась она однажды. — Что так? — Лена промолчала. А если б ответила, то должна была бы сознаться, что сама виновата во многом. Как-то она вместо того, чтобы явиться на лекцию, пошла в школу, а объяснить, почему пропустила занятия в институте, отказалась. В другой раз опоздала, получила замечание и вновь опоздала на другой же день.

Она была уже не школьницей — студенткой, и с нее, конечно, спрашивали, как со взрослой. А в ней попрежнему уживались серьезность и взбалмошность, глубокий интерес к занятиям, к будущей профессии — и легкомыслие.

В конце первого курса Лена подала заявление в комсомол. Ее приняли и поручили руководить пионерским отрядом в хореографическом училище.

Лена попрежнему интересовалась жизнью школы, в которой раньше училась, постоянно бывала там, а свой отряд забросила. Не раз она опаздывала на лекции.

Коробило окружающих, что с видом человека, все знающего, все постигшего, прошедшего огонь и воду, Лена с высоты своих девятнадцати лет весьма авторитетно судила о любви, о быстротечности этого чувства, о непостоянстве, которое одно украшает жизнь. На другой день она могла утверждать обратное, а потом опять делала какое-нибудь потрясающее открытие насчет мимолетности человеческих привязанностей.

Однажды Лена не явилась на воскресник (это было уже не в первый раз) и по своему обыкновению отказалась объяснить причину: «Не явилась — и все».

И тут чаша терпения переполнилась. Десять месяцев прошло с тех пор, как Лену приняли в комсомол, и вот вопрос о ней снова поставили на комсомольском собрании. Собрание постановило сурово и непреклонно: исключить. Факультетское бюро ВЛКСМ утвердило решение курса.

Лена обратилась в институтский комитет ВЛКСМ с таким письмом: «Я принята в члены комсомола только десять месяцев назад. Поступки, обсуждавшиеся на собрании, в большинстве своем относятся к тому времени, когда я не была еще комсомолкой. Убедительно прошу оставить меня в рядах ВЛКСМ. Я готова понести любое взыскание за совершенные мною ошибки. Я глубоко поняла ошибки моего поведения, которые были следствием моего легкомыслия и необдуманности, а не результатом морального разложения. Пережитое будет для меня уроком на всю жизнь. Прошу не применять ко мне сразу же самой тяжелой меры — исключения из комсомола».

Но институтский комитет ВЛКСМ утвердил решение курсового собрания.

***

Всякий советский коллектив — воспитатель. Силу общественного мнения знают и школьники, и студент, и рабочий.

Было бы неудивительно, если бы Лену не приняли в комсомол, когда она подала заявление. Было бы понятно, если бы ей сказали: подожди. Комсомолец — высокое звание. Оно требует в каждой мелочи, в каждом поступке быть достойным ленинского знамени. Мало того, что умеешь хорошо сказать о своем жизненном призвании, ты забываешь о нем в своей повседневной жизни, ты еще недостойна быть комсомолкой.

Но Лене так не сказали. Ее приняли и решили, что одним этим коллектив сделал для нее все, что мог и должен был сделать. Ее даже не пытались воспитывать. Однокурсники только регистрировали проступки новой комсомолки.

«Я чувствовала, что если скажу о недостатках, ее не примут», — сказала подруга Лены. Неужели в Институте имени Герцена принимают в комсомол только людей без недостатков? До сих пор было известно, что комсомол — организация воспитательная, что члены ее — живые люди, люди молодые, растущие, у которых, кроме достоинств, бывают в характере и недостатки. А чтобы исправить недостатки, надо их знать.

Удивительны и слова: «недостатки оказались не некоторыми и не внешними, а явились основным содержанием характера». Но разве коллектив, призванный воспитывать молодежь, может и должен воспитывать только людей с внешними, без труда устранимыми недостатками? Разве коллектив вправе отвернуться, снять с себя всякую ответственность за человека, едва оказалось, что недостатки искореняются не без труда, что они глубже и серьезнее, чем показалось с первого взгляда?

Студенты Института имени Герцена — будущие педагоги. Неужели же некоторые из них думают, что характеры их будущих учеников ничем не будут отличаться один от другого и что после первого же замечания школьники навсегда забудут о своих недостатках?

Учителя, воспитывавшие Лену, не отвернулись от нее, хотя им пришлось положить немало сил на исправление этого трудного характера. Они не рассматривали через лупу, не подсчитывали со скрупулезной точностью, много ли времени займет у них воспитание Лены. Они не взвешивали на весах все недостатки, не раздумывали, легко ли будет их искоренить. Они вглядывались в человека, искали новых путей, они не жалели ни сил своих, ни времени, потому что знали: это их долг, их обязанность — человеческая и гражданская. И они выпустили Лену из школы, твердо веря, что характер этот не раз еще будет плавиться жизнью и что новые товарищи помогут Лене стать верным, устойчивым, выдержанным человеком. И хотя Лена уже не была их ученицей, они сказали свое слово, обратившись в Институт имени Герцена. «Мы знаем Лену В., бывшую нашу ученицу, с 1946 по 1949 г. В нашей школе В. проявила себя как способная ученица, сильно тяготеющая к гуманитарным дисциплинам и педагогической работе. Аморальных поступков в ее поведении не было. В общественной жизни школы принимала активное участие. Она сердечна и правдива. Мы считаем, что в характере В. есть ряд отрицательных сторон, но исключать ее из комсомола не следует. Нужно дать ей возможность проявить лучшие стороны своего характера, изжить то наносное, внешнее, что имеется в ней. У комсомольской организации есть еще много возможностей дать ей выправиться и стать полноценным советским педагогом». Под этим письмом подписались все преподаватели, учившие Лену в течение трех лет. Почему же студенты не вняли голосу педагогов, учивших Лену? Почему они — будущие учителя — не доверились совести, разуму, опыту своих старших товарищей?

Когда в Куйбышевском райкоме ВЛКСМ мы знакомились с персональным делом Лены В., где чуть не на каждой странице повторялись слова «враждебный», «чуждый», нам казалось, что речь идет о закоренелом преступнике и враге общества. Но ведь ничто в короткой лениной жизни не дает права на такие определения!

Мы не хотим во всем защищать Лену. Но если легкомысленную девятнадцатилетнюю девушку называют чуждым и враждебным человеком, спрашиваешь себя, не слишком ли легко и безответственно иной раз бросаются подобными словами.

В характере Лены много еще наносного, много шелухи, но можно уверенно сказать: хорошее в нем сильнее, крепче. Это понял Куйбышевский райком комсомола, который не утвердил решения институтского комитета ВЛКСМ. Это поняла и дирекция, которая помогла Лене перейти в другой педагогический институт.

— Как учится Лена в новом институте? — спросили мы у тов. Попова, секретаря комитета ВЛКСМ Института имени Герцена.

— Перешла... — ответил он неопределенно и пожал плечами.

И это странное равнодушие заставляет поставить еще один естественный и законный вопрос: кончается ли ответственность коллектива за человека в ту минуту, когда этого человека коллектив исключил?

Комсомольцы литфака Института имени Герцена исключили Лену из своих рядов, пытались добиться, чтобы ее исключили и из института, а когда это не вышло, попросту отвернулись от товарища. Но если бы они поинтересовались дальнейшей судьбой Лены, то узнали бы, что она не просто перешла на следующий курс, а учится в новом институте отлично, активно выполняет общественные поручения. В новом коллективе она впервые после школы почувствовала себя среди требовательных и доброжелательных друзей.

ПОВЕРХНОСТНАЯ КНИГА

К. ПЕТРОСОВ

Огромно и плодотворно воздействие поэзии Маяковского на литературы всех народов нашей многонациональной страны, на прогрессивных поэтов всего мира.

Вполне понятен тот интерес, который вызван выходом первой книги о традициях Маяковского в поэзии народов СССР. Автор ее Д. Молдавский пишет о традициях Маяковского в украинской, белорусской, азербайджанской, грузинской, армянской, узбекской, таджикской, казахской, туркменской, киргизской, латышской, эстонской, литовской поэзии. Д. Моллавскому принадлежит ряд свежих наблюдений и конкретных сопоставлений, показывающих непосредственное влияние Маяковского на поэтов братских народов.

Правильно желание автора на материале ряда литератур показать, как поэты братских народов, стремясь выполнить исторические постановления партии по идеологическим вопросам, обратились к творчеству Маяковского. На конкретных примерах показывается, что поэты социалистических наций учатся у Маяковского во весь голос говорить о животрепещущих темах современности.

Характеризуя в основных чертах творческий путь украинского поэта Павло Тычины и белоруса К. Крапивы, автор дает почувствовать, что общность многих тем, мотивов, образов с поэзией Маяковского определяется общностью восприятия социалистической революции. В книге убедительно раскрыто непосредственное влияние Маяковского на П. Тычину и К. Крапиву. В очерках о поэтах среднеазиатских республик показывается, что путь Хамзы Хаким-заде, Гафура Гуляма, Пайрава Сулеймани к социалистической поэзии во многом связан с их творческой учебой у лучшего поэта советской эпохи. Говоря о поэтах Прибалтики, автор довольно конкретно показал, как Маяковский помог передовым поэтам Прибалтики занять свое место в боевом строю, превратить стих в оружие борьбы за демократию.

Однако, несмотря на отдельные удачи, следует отметить обзорно-конспективный, поверхностный характер работы в целом. Серьезное освещение литературных явлений не может основываться лишь на переложении или цитировании отдельных высказываний. Между тем многие, основные для разрабатываемой темы вопросы в работе Д. Молдавского разрешаются именно таким образом. Критический анализ, разбор произведений нередко подменяются цитированием, а то и просто перечнем фамилий поэтов и названий их произведений.

Этот порок более всего обнаруживается в тех частях книги, которые посвящены периоду Отечественной войны и послевоенным годам. В очерке о поэзии народов Закавказья не получили сколько-нибудь развернутой оценки достижения грузинской и армянской поэзии в послевоенный период. Молчанием обойдена вышедшая в 1950 году отдельной книгой поэма Расула Рза «Ленин» — одно из самых ярких свидетельств верности традициям Маяковского в азербайджанской литературе. Обращаясь к поэмам М. Рагима «Над Ленинградом», С. Вургуна «Негр говорит» и сборнику стихотворений С. Рустама «Два берега», критик лишь добросовестно пересказывает содержание названных широко известных произведений, вместо того, чтобы **показать**, как и в чем именно проявляется у этих поэтов творческое развитие лучших традиций Маяковского.

Выступления «Правды» против идеологических извращений в литературе указывают на необходимость продолжать непримиримую борьбу с рецидивами буржуазного национализма и безродного космополитизма, с псевдонародностью, архаизацией, абстрактностью в изображении действительности. В этой борьбе высокоидейная, проникнутая боевой большевистской партийностью поэзия Маяковского играла и продолжает играть исключительно важную роль. В книге о Маяковском и поэзии народов СССР это следовало показать особенно выпукло и конкретно.

В разбираемой работе эти требования не осуществлены. Говоря о В. Сосюре, автор очерков ни словом не обмолвился о его ошибках националистического характера. Цитируя в своей книге узбекского поэта Шейхзаде, Д. Молдавский не указал ни на порочный характер его переводов Маяковского на узбекский язык, ни на грубые буржуазно-националистические извращения в творчестве самого Шейхзаде.

Не освещена в книге сколько-нибудь конкретно борьба, которую вели в 20-е годы и позже передовые азербайджанские и армянские поэты против буржуазных националистов и последышей декадентства, не сказано ясно о произведениях тех писателей, в творчестве которых критика вскрыла элементы безидейности, национальной ограниченности.

Бросается в глаза слабость Д. Молдавского в освещении вопроса о национальных традициях. Несколько общих строк о древних истоках национальной поэзии с упоминанием имен великих поэтов прошлого не может дать сколько-нибудь ясного представления о национальной специфике литератур. Д. Молдавскому не удалось выявить и показать своеобразие в творческом восприятии поэзии Маяковского писателями различных братских литератур.

Гениальные труды товарища Сталина по вопросам языкознания ярко осветили огромное значение языка, как формы национальной культуры. Нельзя говорить только об идейно-тематическом влиянии творчества Маяковского, оставляя в стороне вопросы художественного мастерства. Обойдя по существу вопрос о своеобразии национальной формы социалистических по содержанию литератур, Д Молдавский оказался не в силах сколько-нибудь конкретно и глубоко осветить характер воздействия поэтики Маяковского на многонациональную советскую поэзию. Содержащиеся в книге случайные замечания о художественном мастерстве, языке и стиле некоторых писателей слишком общи и трафаретны, они не раскрывают значения культуры стиха Маяковского, опирающейся на богатства русской классической поэзии, для поэтов каждой из братских литератур.

Не получили в очерках Д. Молдавского оценки и переводы произведений Маяковского на языки народов СССР. Нельзя не обратить внимания на серый, невыразительный язык, которым написана книга о великом поэте.

Не задумываясь, употребляет критик канцелярские, неуклюжие, туманные обороты. Например, «Поэты советской Украины... двигались в плоскости освоения традиций Маяковского», «поэма... написана с учетом всего развития советской поэзии», «путем творческого развития итогов...» и т. д.

Опыт книги Д. Молдавского вновь подтверждает, что большой и нужный труд о живых традициях Маяковского в поэзии народов СССР может и должен быть создан лишь на основе глубокого изучения истории братских народов и их литератур, языка и быта, дружными коллективными усилиями советских литературоведов и критиков.

БАКУ

Дм. Молдавский. «Маяковский и поэзия народов СССР», «Советский писатель», 1951 г., 206 стр.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Счет критикам

На днях в Союзе писателей на совместном заседании комиссии по детской литературе и комиссии по теории литературы и критике обсуждался вопрос о критике детской литературы.

Открывая совещание, М. Прилежаева отметила, что за последние два года, прошедшие после XIII пленума ССП, маленькие читатели получили много новых интересных книг. Растущей и развивающейся детской литературе насущно необходима заботливая, внимательная критика. Досадно, что положение с критикой детской литературы улучшается очень медленно. Наши толстые журналы и газеты не печатают теоретических статей по основным вопросам детской литературы.

Драматург В. Любимова отметила, что печать часто обходит самые главные творческие проблемы. Иногда интересный разговор с читателем не доводится до конца. В. Любимова говорила, что у драматургов есть множество спорных, неразрешенных вопросов. Как строить конфликт в пьесе о школе? Можно ли детям «обсуждать» своих педагогов, родителей? Как по-новому раскрыть в пьесе-сказке идею добра, красоты, дружбы, самопожертвования и т. п.? На эти и многие другие вопросы должна отвечать наша теория литературы, наша критика. Но чаще всего в рецензиях мы находим либо «ушат холодной воды», либо беглый разговор о мелочах.

В. Кукушкин говорил о рецензиях, написанных в недоброжелательном тоне, содержащих несправедливые оценки книг.

Особенно неблагополучно обстоит дело с критикой книг для дошкольников.

— На «тоненькие книжечки», расходящиеся по стране миллионами экземпляров, почти никогда не появляется рецензий, — говорит А. Алексин. — Почему-то принято считать, что о книжке в 10—15 страниц можно написать лишь несколько слов. Между тем, иной раз она могла бы стать поводом для большого разговора.

Иногда критики детской литературы неправильно, ханжески рассматривают произведения с точки зрения того, что «должно быть», а не того, что бывает в жизни.

Л. Кон и другие выступавшие приводили примеры, когда авторы некоторых критических статей ищут в книгах не живых людей, а некие безупречные «примеры для подражания». Ставка на приглаживание, стирание существующих в жизни конфликтов может лишь обеднить нашу литературу, увести ее от жизненной правды, лишить возможности изображать борьбу нового со старым, отживающим. Неправильную эту позицию некоторые критики стремятся выдать за требование, выдвинутое педагогической наукой.

На деле требования советской педагогики не противоречат, а находятся в единстве с требованиями социалистического реализма, утверждающего силу жизненной правды.

На заседании выступили также С. Любимова (Дом детской книги), В. Карпова, М. Шкерин, М. Муратов и другие.

Следует заметить, что многие «ведущие» критики не приняли участия в совещании.

Новые книги

Лаффит Ж. Роз Франс. Роман. Перевод с французского О. Савича и И. Эрбург. Издательство иностранной литературы. 208 стр.

Лахути А. Стихи и поэмы. Авторизованный перевод с таджикского. «Советский писатель». 196 стр.

Нарты. Кабардинский эпос. Гослитиздат. 503 стр.

Помозов Ю. В моей Отчизне мирной. Путевые рассказы. «Молодая гвардия». 179 стр.

Толстой Л. Собрание сочинений в 14 томах. Т. VII. Война и мир, кн. 4. Гослитиздат. 330 стр.

Хетагуров К. Собрание сочинений в 3 томах. Издательство Академии наук СССР. Т. I. Осетинская лира. 335 стр. Т. II. Художественные произведения, написанные на русском языке. 374 стр. Т. III. Публицистика. Письма. 558 стр.

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

Записки актера

В «Библиотеке «Огонька» вышла брошюра Н. Черкасова «Из записок актера». (Ранее записки Н. Черкасова публиковались в журнале «Звезда»). Трудно определить жанр этой небольшой книжки: в ней и воспоминания о прошлом, и мысли художника о своем искусстве, и некоторые теоретические выводы, и увлекательные рассказы о творческой кухне театра и кинематографа.

Н. Черкасову есть о чем рассказать. Пройдя большой путь от статиста оперной сцены до высот театрального и кинематографического творчества, выдающийся советский художник создал множество образов, поражающих своим разнообразием и вместе с тем необыкновенной достоверностью. В самом деле, редкий актер может с равным мастерством и легкостью предстать перед зрителем в ролях вдохновенного и немного чудаковатого Жака Паганеля, великого ученого-революционера Полежаева, Грозного царя, офицера Советского флота... Необычайно трудная творческая задача — в течение четырех сценических часов прожить сорок лет из жизни героя; эта задача оказалась Н. Черкасову по плечу в роли Мичурина в пьесе «Жизнь в цвету».

Большой творческий диапазон, мастерство актерского перевоплощения, высокая правда жизни—вот что отличает искусство Н. Черкасова, вобравшего великолепный опыт русского театра, советского сценического творчества. «Перевоплощение, к утверждению которого я пришел, приглядываясь к Художественному театру и в результате личного опыта,— оправданный и перспективный метод актерского творчества»,— убежденно замечает автор книги.

Н. Черкасову не довелось непосредственно учиться у Станиславского и Немировича-Данченко, но имена их то и дело появляются на страницах книги. Это очень примечательно: метод Художественного театра, система Станиславского являются достоянием всех артистов советского театра. Утверждая эту мысль на собственном опыте, Н. Черкасов выступает против молчаливых противников системы Станиславского и вместе с тем против ее вульгаризаторов. «Сплошь и рядом,— пишет он,— извращенное представление о системе Станиславского — измельченное психологическое «правдоподобие» — бродит по нашим подмосткам, пытаясь заменить собой действительную правду человеческого характера».

Немало интересных мыслей, плодотворных для нашего театра, высказал Н. Черкасов в своей небольшой книжке.

Как создается образ? Где отыскивает актер краски для того, чтобы герой его нес в себе верную мысль, был живым, конкретным человеком и типом? Кого бы ни играл Н. Черкасов — будь это историческая личность или вымышленный герой,— он широко обращается к жизни, призывает на помощь знания, жизненные наблюдения. Вот примечательные строки о работе над самым высоким творением художника — образом Полежаева:

«Перед революцией Тимирязев писал Горькому:

«У меня, у старика, чешется язык. Когда же, наконец, появятся честные газеты? Что же должна делать молодежь?»

Эта фраза помогла мне уловить черты характера великого ученого и воинствующего демократа.

В сознании возникал собирательный образ, где были и отдельные черты Менделеева, Павлова, Станиславского, Римского-Корсакова, Немировича-Данченко... Хотелось взять у Кирова остроту его определений для того места фильма, где Полежаев на пленуме Петросовета так язвительно говорит об отсутствии ученых. Запомнился призывный жест Ленина».

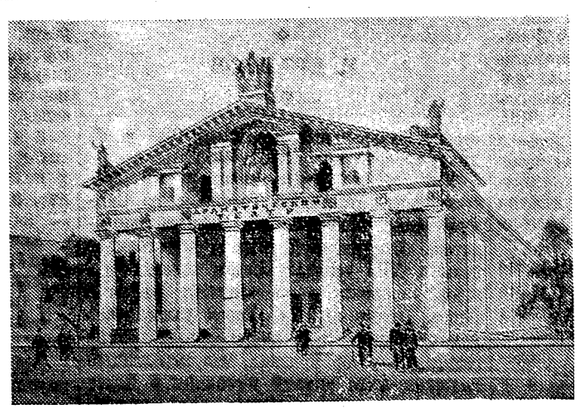
Бывает так, что наши актеры, не утруждая себя большой работой мысли, в поисках образа не идут дальше того, что написал драматург, формально оправдывая свою позицию тем, что драматургия является основой искусства театра и кино. Да, она — основа, об этом убедительно пишет и Н. Черкасов в главе «Актер и драматург», но актер не сумеет хорошо, вдохновенно сыграть самую лучшую роль, если он не привнесет в нее свою мысль, свое знание жизни, свой творческий опыт.

Записки Н. Черкасова — еще не книга, а лишь эскиз будущей книги, которую непременно нужно написать. Но, понимая это, все же порой испытываешь чувство неудовлетворенности. Напрасно автор захотел рассказать чуть ли не о всех сыгранных им ролях — неизбежная в таком случае беглость изложения приводит к легковесности. Не украшают книгу и многие необязательные, малоинтересные детали.

Н. Черкасов стремится рассказать о своем искусстве просто, доступно и поэтому отказывается от узкопрофессиональных терминов. Порой он находит афористически точные определения. Вот, например, о мере в искусстве комедийного актера: «В комедии, как в артиллерии: недоиграл — недолет, переиграл — перелет. Нужно попасть в цель». Не всегда, к сожалению, афоризмы и сравнения автора хороши. Так, например, вряд ли верно и точно сравнивать чувство актера, неожиданно нашедшего черты будущего образа, с чувством женщины «при первых движениях ее будущего ребенка».

Театральные мемуары и записки пользуются большой любовью среди самых широких кругов читателей; из них складывается летопись нашего театра, в них хранится его опыт, становящийся достоянием новых поколений художников. Было бы хорошо, если бы и другие лучшие художники советского театра почли для себя долгом рассказать о своей жизни в искусстве.

А. АНАСТАСЬЕВ



В Нижнем Тагиле, на родине знаменитых металлургов, строится драматический театр. Украшая центр города, на вновь создаваемой Театральной площади,— видимое с улиц Пархоменко, Вокзальной, Заводской,— должно встать одно из самых больших общественных сооружений города: театр на 800 мест.

Думая о художественном образе театрального здания, автор проекта архитектор А. Тарасенко решил придать его облику черты, близкие сердцу уральцев. Скульптуры, увенчивающие здание, воплотят гордость металлургического Урала: горновых, прокатчиков, мастеров чугуна и стали — людей труда. Интересно решен фасад здания. Стройные колонны поддерживают тимпан, представляющий собой как бы выдвинутую на простор площади театральную сцену. Популярные литературные герои изображены на тимпане. Материал скульптора — драгоценные уральские самоцветы; содержание скульптурной группы — мотивы из сказов уральского писателя П. Бажова. Горожане увидят на тимпане портика хозяйку Медной горы, мастеров-умельцев, рудознатцев, золотоискателей.

В стране широко развернулось сооружение новых театральных зданий, дворцов культуры, клубов. Только по проектам Государственного проектного института «Гипротеатр» построены и открыты после Великой Отечественной войны театры в Калинине и Брянске. Драматические театры строятся в Севастополе, Сталинграде, Улан-Удэ, Ашхабаде, Кишиневе и других городах. Большие оперные театры сооружаются во Фрунзе, Казани, Челябинске. Проектируются театры для Калуги, Петрозаводска, Махачкалы и многих других городов страны.

Архитектор А. МАКСИМОВ

Обыкновенный концерт

Этот концерт был дан в помещении Драматического театра имени Станиславского. Он назывался «Вечер эстрады» и собрал полный зрительный зал.

В программе концерта — крупные актеры прославленных столичных театров, балетная пара, русская певица, акробаты, оригинальный иллюзионный номер. Разнообразие — ценное качество эстрадного вечера. Однако в этом концерте, как, впрочем, и во многих других подобных концертах, в программе соседствовали номера, не соизмеримые по своему художественному уровню.

Вслед за тем, как актеры МХАТ О. Андровская и Н. Свободин проникновенно и выразительно исполнили рассказ М. Горького «Открытие», а Н. Светловидов в чеховском рассказе «Забыл!» представил человека со всем его характером и судьбой, — конферансье объявил, что выступит Николай Кустинский, автор пародий и куплетист. Торопливой скороговоркой в ритме фокстрота—на музыку замечательной лирической песни М. Блантера и М. Исаковского — Кустинский пропел, если это можно назвать пением, бестактные куплеты. В них есть такие, например, слова: «Летят вашингтонские птицы». Неприятно поражает любого из нас эта замена слов в любимой песне. Повидимому, этот прием опошления хороших советских песен кажется развязному куплетисту особенно плодотворным: на мотив «Одинокой гармони» он пропел глупую пародию. В ней слова, посвященные популярным артистам кино, звучат, к примеру, так: «Что ж ты делаешь, Дружников Вова, что ж ты девушкам спать не даешь»...

Можно было бы считать, что появление Кустинского на такой площадке и в таком окружении — следствие случайного недосмотра. Но идут один за другим номера концерта, и невольно задаешь себе вопрос: а кто отвечает за их художественное качество? Ведь если б хоть раз заглянул на такой вечер взыскательный режиссер, он потребовал бы от Валерия Сысоева, чтобы отрывок из романа Шолохова чтец не превращал в повод для показа всех физиологических последствий опьянения, не икал, с трудом держась на ногах, не утирался рукавом, не «держал» длинные паузы, уставясь в зал остекленевшими глазами, и т. д. Режиссер помог бы иллюзионистам Т. Леман и С. Русанову отработать номер, он потребовал бы большей четкости от О. Шитовой и М. Веселова в их акробатическом этюде.

Наши зрители очень любят сборные эстрадные концерты. Надо только, чтобы руководство Московской государственной эстрады вдумчиво составляло программы таких концертов и не допускало в них пошлости, халтуры, штампа.

Еще одно замечание. Великие актеры русского драматического театра с большой ответственностью относились к своим выступлениям на эстраде, готовили для этого специальные номера. Достаточно вспомнить опыт И. Москвина, который был зачинателем эстрадного исполнения рассказов Чехова, или В. Качалова — пламенного пропагандиста классической и советской поэзии. Этому примеру следуют и участники концерта О. Андровская, Н. Свободин, Н. Светловидов. Было бы хорошо, если бы и другие лучшие художники советского театра почли для себя долгом рассказать о своей жизни в искусстве.

В. МИХАЙЛОВ

Старший друг

Елена УСПЕНСКАЯ

Очень трудно писать для детей. Этих не проведешь. Если хоть немного скучно, не станут читать, если чуть неискренне, не поверят, если мало красочно, не увидят, а следовательно, не будут слушать и слушаться.

Валентина Осеева превосходно говорит с ребятами — то как мать, то как строгий учитель, а чаще всего как друг, которому можно доверить любую тайну. Этот старший друг и подтрунит над тобой, и посмеется вместе, и погрустит. Но в то же время ясно, что если ты совершил дурной или нечестный поступок, ты можешь потерять и дружбу и доверие этого старшего товарища. А потерять жаль.

В своих рассказах для самых маленьких («Волшебное слово») В. Осеева ввела читателя в круг первоначальных представлений и раздумий о жизни. Но начав разговор с ребенком, так сказать, с азбуки чувств, писательница решила продолжить и углубить этот разговор и пуститься со своим героем в дальнейший путь.

Так родилась повесть о школьниках «Васек Трубачев и его товарищи». Повесть охватывает большой и значительный период времени. В первой части книги герои-школьники поглощены школьными и пионерскими заботами. К концу учебного года отряд Васька Трубачева, лучший в школе, премируется поездкой на Украину. Там их застигает война, и несколько ребят, не успев эвакуироваться, остаются в тылу врага. Рассказу об этом трудном времени посвящена вторая часть книги. На наших глазах дети растут, крепнут вместе с Родиной, переживая суровые испытания войны.

Шаг за шагом, день за днем писатель решает вместе со своими героями все более и более серьезные, острые вопросы, все большего требует от них и, повседневно участвуя в жизни своих героев, все шире распахивает перед ними двери в мир.

Осеева успешно осуществила свой трудный замысел, и одной из отличительных черт ее книги являются образы ее взрослых героев.

Мы, взрослые, порой не понимаем, до какой степени сильно переживает ребенок событие, которое нам представляется до смешного незначительным. И мать, которая в разгаре генеральной уборки выбросила модель планера, выглядевшую, впрочем, пока довольно неказисто, только снисходительно смеется, не понимая, как серьезно расстроен сын.

Но точно так же и дети не всегда понимают глубокие, серьезные переживания взрослых людей, не представляют себе их забот и трудностей. Чтобы это непонимание не привело к серьезным конфликтам, не отдалило ребенка от старших, нужно помочь ему начать понимать жизнь окружающих его взрослых людей и воспитать глубокое уважение к ней.

Но вести этот разговор с читателем сможет только тот писатель, который сам глубоко проник в мир детских чувств и относится к ним серьезно и уважительно.

Есть, к сожалению, еще у нас книги для детей, которые рассказывают не о чудесном настоящем мире, окружающем их, а о некоем условном мире, который именуется словом «детский». В этом мире происходят только специфически детские конфликты, дозволенные строгими редакторами, решаются только условные трудности, не столько рожденные самой жизнью, сколько продиктованные потребностями сюжета. Конечно, эти трудности решаются гораздо проще и поверхностнее, чем настоящие. Да и радости в этом условном мире очень мало похожи на те, которые существуют на самом деле. И что самое печальное, в этот мир не пускают тех замечательных взрослых людей, которые в жизни растят наших детей.

Когда читаешь такие книги, создается ощущение, что их герои прикрыты стеклянным колпаком. За стенками этого колпака продолжают жить и работать прекрасные советские люди. Они объединены безграничной любовью к Родине, они творцы всего того, что окружает ребенка. Встречи с этими людьми радостны и поучительны для детей. Но с горечью видишь, как, попав под стеклянный колпак, эти люди блекнут, утрачивают свое влияние на маленького читателя и, приобретя наименование родителей и учителей, снабжаются необходимым набором показателей непогрешимости.

Не надо обманывать детей. Не надо говорить им, что у взрослых нет недостатков и они никогда не ошибаются. Дети знают, что это не так. Они знают, что отец или мать могут допустить ошибку на работе, и учатся у них быть строгими к себе и исправлять свои ошибки. Они знают, что мать вспыльчива, и видят, как она борется с этим, и учатся этому у нее. Нельзя учиться движению у манекена — движению может выучить только живой человек. А наши дети учатся у взрослых, которые непрерывно растут и совершенствуются, потому что это — главное качество советских людей.

Мы позволили себе подробно говорить о взрослом герое детской книги, так как в статье о творчестве Валентины Осеевой этот разговор наиболее уместен. В ее книге рядом с детьми идут хорошие, серьезные взрослые люди. Осеева не приукрашивает своих взрослых героев. Она не стремится уберечь своего читателя от серьезных раздумий и грустных переживаний, а справедливо считает, что обязана учить его преодолевать трудности. Она раскрывает перед маленьким читателем внутренний мир взрослых людей и учит относиться к ним с уважением и любовью. В ее книге много чудесных людей: отец Васька — человек, влюбленный в свое дело, большой друг сына, ласковая, заботливая мать Саши, умная и добрая мачеха Русакова, учитель ребят, старик Матвеич, председатель колхоза. Но встречаются в этой книге и другие люди: эгоистичная, безвольная мать Мазина, отец Русакова — хороший работник, но человек невнимательный и холодный к сыну, суровая тетя Дуня, которая доставляет Ваську немало огорчений.

Ну что ж, разные люди живут на свете. Есть и такие. Есть они среди близких и знакомых тех ребят, которые читают эту книгу. Но в книге они узнают их глубже, присматриваются к ним и видят, как меняются эти люди. Они видят, как под влиянием умной, душевной жены смягчается отец Русакова, как все ближе Ваську делается тетя Дуня. И больше того, читатель, который сначала вместе с Васьком не любит тетю Дуню, постепенно, узнавая ее, привязывается к ней и угадывает за ее суровостью другие черты: чувство долга, сдержанность, заботливость.

Но думается, что Осеева злоупотребляет конфликтами личной жизни. В книге мало благополучных семей, много сирот. Порой кажется просто странным это отсутствие нормальных, здоровых семей. Думается, что было бы правильнее показать то трудное, о чем говорит автор, на примере одной-двух семей и показать глубже, сосредоточив внимание на меньшем количестве героев. Но зато показать и другие семьи, гораздо более типичные для нашей страны,— счастливые, здоровые, полные творческого труда. И образы взрослых стали бы гораздо богаче. Осеева показывает их главным образом в отношениях в семье. А между тем, главное, что отличает советских людей и цементирует семью,—любовь к труду, увлечение своей работой. И если бы в ее книгу пришли люди разных профессий, полные тревогами и победами своего труда, книга стала бы гораздо богаче.

Так же, как и взрослые герои, различны и по-своему интересны в этой книге дети. И так же, как во всяком художественном литературном произведении, их никак нельзя разделить на абсолютно положительных и абсолютно отрицательных. Васек, всеобщий любимец, вожак отряда, уважаемый не только героями книги, а теперь уже и ее читателями, оскорбляет Сашу, большого своего друга, оскорбляет незаслуженно, грубо и как раз за то, чем очень дорог Саша, за его заботливое отношение к младшим братишкам и сестренкам.

Также не без греха и Мазин, и Русаков, и все остальные, с кем мы познакомились в этой книжке. Но каждый из них вызывает у читателя горячие чувства, будит мысли, заставляет с ним спорить или соглашаться. Больше того: учит разбираться в людях, не судить о них сгоряча, с налета, и тот же Мазин, который сначала вызывает чуть ли не антипатию, постепенно раскрывается перед читателем, и в конце концов этот толстый, резковатый, порой смешной паренек вызывает в каждом желание быть на него похожим.

К некоторым героям отношение меняется не легко и не быстро. К Синицыной, например, капризной, эгоистичной девочке, читатели долго будут относиться критически, и изменится это отношение к ней только тогда, когда во время войны она, под влиянием самых высоких чувств любви к Родине и боли за нее, будет вести себя достойно и мужественно и, изменившись сама, завоюет, наконец, любовь и уважение своих друзей.

Конечно, не все образы в повести одинаково ярки и убедительны. Но многих героев книжки мы узнаем хорошо и можем представить себе их будущее так же, как представляем мы, например, как поведет себя при тех или иных обстоятельствах наш близкий, давнишний друг.

Благодаря чему же удалось писательнице создать такие живые, выразительные образы? Вероятно, потому, что автор знает о своих героях гораздо больше, чем говорит. И когда герой хотя бы ненадолго появляется на страницах книги, автор находит для него точные слова, характерные поступки. И поэтому за каждой страницей этой книги гораздо больше событий, чем описано в ней. Мы можем живо представить себе грустное детство тети Дуни, описать, как проходил вечер в семье Трубачевых тогда, когда была жива мать Васька, мы знаем, как развернется будущая жизнь Генки,— то, о чем не рассказано в книге.

Осеева ничуть не преувеличивает роли своих героев во время войны. Она с первого слова дает понять, что пишет о самых обыкновенных детях, и это еще больше сближает читателей с героями ее книжки. И благодаря этому мирные школьные события первой книги, такие близкие сегодняшнему школьнику, не кажутся незначительными по сравнению с историческими событиями, о которых идет речь во второй. И вторая книга, в которой Васек и его друзья переживают большие и недетские страдания, книга, в которой рассказывается, как по самому высокому счету проверены были в эти дни патриотизм, мужество и душевные качества советских пионеров, — эта книга углубляет мысли, рожденные первой.

В. Осеева подчеркивает, как все то, что происходило в школьные годы, оказалось важным во время войны. Вовсе не все ее герои одинаково ведут себя в это время, их промахи и ошибки, совершенные в школьные годы, так или иначе сказались в дни больших испытаний, их хорошие качества проявились еще ярче.

Нам ясно, что не случайно Сева, несмотря на болезнь сердца, в трудные минуты смог не отстать от товарищей, потому что еще тогда, в мирные дни школьных походов, он воспитывал в себе волю, характер и выдержку. И потому же Валя Степанова, сдержанная и справедливая — совесть своего класса — в дни войны совершает подвиг. Увидев, как фашисты ведут на расстрел учительницу-партизанку, Валя бросается к ней на помощь, своим телом загораживает ее и, как героиня, гибнет вместе с ней.

Есть среди героев книги более и менее интересные, яркие, симпатичные, способные. Искренне и любовно рассказывает о них Осеева. Она внимательно следит за каждой черточкой в характере своих героев, заботливо пропалывает самые незаметные ростки сорняков, бережно выращивает всходы таланта, мужества, верности. К каждому она подходит отдельно, с каждым умеет поговорить наедине.

Но в то же время Осеевой удалось и другое. Она сумела показать те качества, которые едины для всех детей Советской страны,— их любовь к Родине, их принципиальность, их органическую связь с коллективом. Герои Осеевой — здоровые, храбрые, жизнерадостные, трудолюбивые ребята, и мы твердо знаем, что из них вырастут настоящие строители коммунизма.

Осеева не говорит громких слов, не ищет эффектных событий, раскрывая психологию нового человека. Порой она умеет в нескольких строках выразить большие, глубокие мысли и чувства.

Вспомним одно из этих мест. Отряд Трубачева, который приехал в украинский колхоз, вышел в поход в лес. Мирная ночь. Все спят. Дежурит Валя Степанова. Пролетают над ее головой самолеты, а затем вдалеке раздается глухой гул.

«Из палатки девочек высунулась чья-то маленькая рука и, подержав в воздухе ладонь, скрылась. Валя заглянула в палатку.— Я думала, дождь идет,—прошептала ей Зорина.— Нет, это самолет,— успокоила ее Валя».

Много сказал автор в этих шести строках. Девочка, которая, услышав гром, доверчиво протянула руку, чтобы узнать, идет дождь или нет, и слово «успокоила»—близки и понятны каждому советскому человеку. Всех советских людей, так же как эту девочку, война застигла в мирный, радостный день, и каждый был полон веры в необходимость мира.

И вот эта вера в правду ярко выражена еще в одной фразе. Когда Валя Степанова бросилась к учительнице, она крикнула фашистам:

«Не стреляйте!.. Это моя учительница!».

Валя не знала матери. Но ее детство согрели, ее вырастили, и слова «воспитатель», «учитель» слились для девочки со священным словом «мать». Валя верит в то, что все опустят оружие перед святым именем. Это не ребяческая наивность, это та вера в человека, которая отличает советских людей, вера, которая сделала наших солдат истинными борцами за мир.

Книгу Осеевой прочтут не только дети,—ее с интересом прочтут и взрослые, то краснея, потому что узнают себя в одном из портретов не самых лучших родителей, то чувствуя благодарность за помощь в воспитании своего ребенка или ученика. Но главное чувство, которое испытывает каждый взрослый, прочитавший эту книгу, чувство радости и гордости от сознания, что советские люди вырастили таких хороших детей. Книга В. Осеевой — взволнованный правдивый рассказ об этих детях, их помощник, воспитатель и друг.

В. Осеева. «Васек Трубачев и его товарищи». Повесть. Книга первая. Детгиз. 1949 год. 262 стр. Книга вторая. Детгиз. 1951 год. 312 стр.

ПОЛОЖЕНИЕ В КОРЕЕ

◇

И. КРАВЦОВ

◇

Семь месяцев назад, 23 июня 1951 года, советский представитель в Организации Объединенных Наций тов. Я. А. Малик, участвуя в радиопередаче, организованной департаментом информации ООН, предложил, чтобы в качестве первого шага к скорейшему урегулированию военного конфликта в Корее воюющие стороны начали переговоры «о прекращении огня, о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели».

Инициативу советского представителя в ООН, как и все предыдущие советские предложения о мирном урегулировании корейского вопроса, горячо приветствовало все прогрессивное человечество. Под давлением мирового общественного мнения и в связи с военными неудачами в Корее президент Трумэн вынужден был заявить, что правительство США согласно с предложением Я. А. Малика.

10 июля в корейском городе Кэсоне начались мирные переговоры. Однако очень скоро стало очевидным, что американские империалисты отнюдь не заинтересованы в прекращении развязанной ими агрессивной войны. Пока в Кэсоне делегаты обеих сторон вели переговоры, на фронте разгорелись ожесточенные бои.

Теперь уже доподлинно известно, что вскоре после того, как Трумэн лицемерно заявил о своем согласии с предложением Я. А. Малика, военное министерство США направило командующему американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке генералу Риджуэю секретный приказ, предлагающий форсировать подготовку к новому большому наступлению.

Риджуэю предлагалось как можно дольше затягивать переговоры в Кэсоне, использовав этот период для варварских бомбардировок и обстрела северокорейских городов, а также для переброски на фронт войск, военного снаряжения и техники.

Масштабы и весь ход подготовки к новому наступлению, а также заявления некоторых официальных лиц США свидетельствовали о том, что агрессоры ставили перед собой далеко идущие стратегические цели, что они не собирались ограничиться захватом Северной Кореи, а рассчитывали перенести военные действия на территорию Китайской Народной Республики.

К середине августа приготовления были завершены. Командующий 8-й американской армией генерал Ван Флит хвастливо заявил: «Войска Объединенных Наций (читай: «войска американских агрессоров») находятся в полной боевой готовности и нанесут неприятелю сокрушительный удар».

18 августа началось так называемое летнее наступление интервентов, в котором участвовало более 150 тысяч солдат и офицеров. Действия пехоты поддерживались огромным количеством артиллерии, танков и авиации, а на побережье — военно-морским флотом. Главные удары агрессоры пытались нанести в двух направлениях: на восточном фронте в районах севернее Янгу и Иньчже и на центральном фронте в районах Чхолвоня и Кымхва.

Правительство США сочло, что необходимость в дальнейшей затяжке кэсоновских переговоров отпала, и решило сорвать их. По указке из Вашингтона, американская авиация начала совершать систематические провокационные полеты над нейтральной зоной Кэсона, подвергать ее обстрелу и бомбардировке. Переговоры, как этого и добивались янки, прервались.

Риджуэй и Ван Флит были уверены, что их войска быстро прорвут оборону и сомнут фронт корейской Народной армии. Но стратеги из Пентагона жестоко просчитались. Интервенты несли огромные потери, но успеха не имели. За один только месяц с 25 августа по 25 сентября американо-английские и лисынмановские войска потеряли более 60.000 солдат и офицеров убитыми, ранеными и пленными. Было сбито 270 американских самолетов, потоплено 5 эсминцев и 13 других кораблей.

Интервентам не только не удалось прорвать фронт Народной армии, но даже сколько-нибудь потеснить его. Лишь на узком участке восточного фронта в районе Янгу они продвинулись на 4—8 километров.

Но жестокое поражение не образумило агрессоров. Появился новый оперативный план «большого осеннего наступления». Он был спешно разработан военным министерством и обсужден национальным советом безопасности. 29 сентября яростные атаки англо-американских и лисынмановских войск на западном и центральных фронтах возвестили начало этого наступления. Только на западном фронте американское командование бросило в бой свыше 100 тысяч человек.

И вновь захватчиков постигла неудача. Воины корейской Народной армии и китайские добровольцы дали врагу уничтожающий отпор. Примерно за месяц боев интервенты потеряли убитыми, ранеными и пленными около 88 тысяч солдат и офицеров. И уже в ходе осеннего наступления Риджуэю была дана директива возобновить переговоры. Американские империалисты, не желавшие прекращения войны в Корее, решили за кулисами переговоров собраться с силами, подбросить на фронт свежие войска и технику. К тому же американцы хотели предстать на 6-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в облике «поборников мира».

Как сообщал тогда специальный корреспондент агентства Телепресс из Сан-Франциско, прибывший в Японию председатель объединенной группы начальников штабов США генерал Брэдли привез Риджуэю директиву о продолжении войны в Корее. Отозванный из Кореи заместитель командующего 8-й американской армии генерал Коултер признал, что переданный Риджуэю план зимней кампании в Корее предусматривал проведение ряда «решительных» операций, в том числе десантных, с целью «нанести противнику максимальные потери» и продвинуться к реке Ялу. В случае неудачи этих операций план намечал использование зимнего периода для тщательной подготовки к «решающему» летнему наступлению 1952 года. По словам Коултера, Брэдли заявил на совещании американских генералов в Корее, что переговоры о перемирии не должны мешать подготовке к проведению зимней операции.

При таких обстоятельствах 25 октября 1951 года возобновились переговоры о перемирии в Корее, на этот раз в Паньминьчжоне, недалеко от Кэсона.

В соответствии с разработанным планом, Риджуэй и Ван Флит, сосредоточив на узком участке фронта большое количество пехоты, танков, артиллерии и авиации, вновь попытались овладеть горным районом Чхолвонь—Кымхва—Пхенган, который американцы за неприступность его обороны назвали «железным треугольником». Американское командование стремилось к моменту нанесения демаркационной линии продвинуть фронт как можно дальше на север.

Хорошо укрепившиеся части Народной армии и китайских добровольцев отразили и эти яростные атаки врага, а затем при мощной поддержке артиллерии заняли сильно укрепленные вражеские позиции к западу и северо-западу от Чхолвоня, к северо-западу от Йоньчхоня и к югу от Кимсона. На восточном побережье Народная армия, отбросив интервентов, освободила город Косон.

В декабре и январе интервенты продолжали безуспешные атаки в районах Чхолвоня и Кимсона, севернее Янгу и на других участках фронта.

Понеся огромные потери в результате летнего и осеннего наступлений и боев последних месяцев, американо-английские и лисынмановские войска не смогли, однако, изменить линию фронта. Как и к началу летнего наступления интервентов, линия фронта от устья реки Имчжиньган на западном побережье проходит затем южнее Паньминьчжоня, севернее Чхолвоня и Кымхва, южнее Кимсона и заканчивается к югу от Косона на восточном побережье.

Как показывает ход военных действий в Корее, военное мастерство, искусство ведения боя у воинов Народной армии и китайских добровольцев растут из месяца в месяц. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, кривая потерь англо-американских и лисынмановских войск. Каждая попытка интервентов наступать обходится им все дороже. Если за время с 25 января по 22 апреля 1951 года их среднемесячные потери составляли 26 тысяч человек, то за месяц летнего наступления они увеличились до 60 тыс. человек, а осеннего наступления — до 75—85 тысяч. Общие потери американо-английских и лисынмановских войск убитыми, ранеными и пленными за время войны в Корее перевалили уже за 800 тысяч.

Характерно, и это вынуждена признать даже американская печать, что относительный процент собственно американских потерь с каждой неделей повышается. «Первоначально надеялись, — писала газета «Нью-Йорк джорнэл энд Америкэн», — что наша армия и воздушные силы уничтожат хорошо обученное ядро коммунистических вооруженных сил. Вместо этого по мере затяжки конфликта измалывается крепкое боевое ядро американских вооруженных сил». Растут с каждым днем американские потери также в воздухе и на море.

Зенитчики Народной армии и стрелки-охотники за вражескими самолетами, накопив боевой опыт, стали подлинной грозой для американских воздушных пиратов. «Американские летчики, — заявил сбитый корейскими стрелками-охотниками американский пилот капитан Воркинс, — поражены мощным противовоздушным огнем, который ведут части Народной армии и китайские добровольцы. Это приводит в трепет наших летчиков и вызывает у них страх». За 40 дней боев соединение, в котором служил Воркинс, потеряло 52 из 72 самолетов.

Американские военные специалисты в один голос признают, что зенитчики и стрелки-охотники Народной армии сбивают все больше американских самолетов, заставляют их держаться на большой высоте.

Все чаще повторяются случаи, когда группы американских самолетов, вылетающих на бомбежку мирных корейских городов и сел под сильным прикрытием истребителей, полностью уничтожаются или получают тяжелые повреждения. Так было, например, 30 октября 1951 года, когда из восьми американских «летающих крепостей» «Б-29», прикрывавшихся 90 истребителями, три были сбиты, а пять получили тяжелые повреждения и выбыли из строя. Недаром этот день американцы назвали «черным вторником» своей авиации. И этих «черных вторников» становится все больше.

«Сейчас вырисовывается тот мрачный факт, — пишет американский журнал «Ньюсуик», — что даже 90 американских реактивных истребителей недостаточно для защиты всего каких-нибудь 8 бомбардировщиков». Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» уныло констатирует: «Прошли дни легких бомбардировок объектов противника и нашего бесспорного господства в воздухе...»

В планах летнего и осеннего наступлений, так же как и зимней кампании, американцы предусматривали высадку крупных морских десантов на восточном и западном побережье Северной Кореи. Но планы остались планами. А попытки высадить десанты, так же как и варварские обстрелы прибрежных городов, привели к тому, что на дно Японского и Желтого морей пошли десятки военных кораблей интервентов. Так, за 4 последних месяца 1951 года береговая охрана Народной армии потопила 46 и повредила 17 кораблей, главным образом американских. Части Народной армии не только успешно отразили все попытки высадки десантов, но и осуществили ряд удачных наступательных морских операций у побережья Кореи, освободив несколько островов.

Подводя некоторые итоги войны в Корее, американский журнал «Бизнес уик» делает невеселый для интервентов вывод: «Соединенные Штаты не одержали в Корее ни одной большой победы. Фактически в данный момент там создался настоящий военный тупик. За последние месяцы военные позиции США серьезно ухудшились». Еще более определенно высказывается газета «Нью-Йорк джорнэл энд Америкэн». Она констатирует, что США потерпели в Корее «трагическое фиаско».

Почему же правящие круги США, несмотря на явный и теперь уже ими самими признанный провал авантюры в Корее, срывают переговоры о перемирии? Почему они стремятся продолжить и расширить бессмысленную, опустошительную войну?

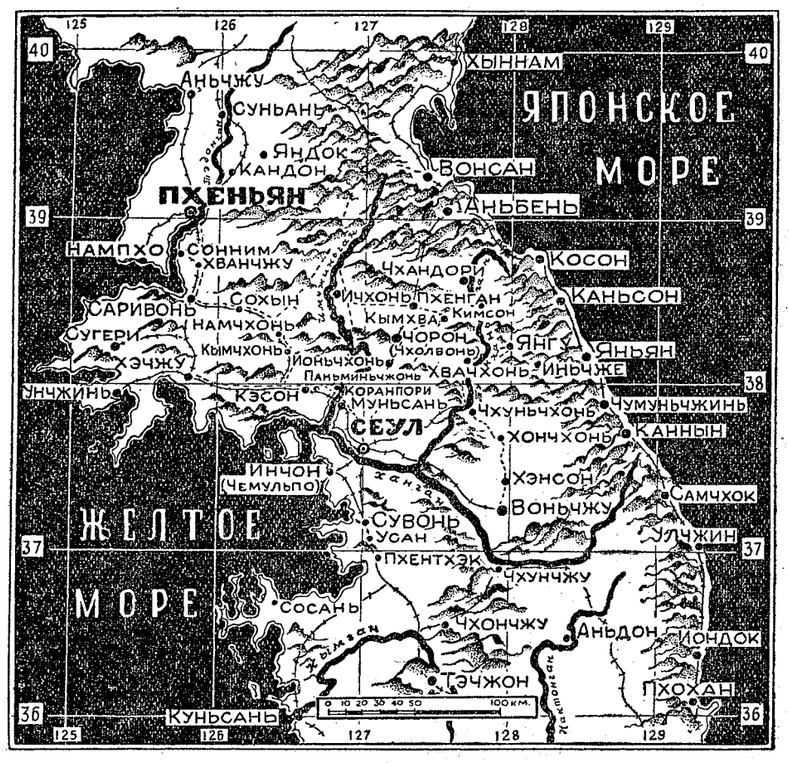
Американские агрессоры затягивают и срывают переговоры о мирном урегулировании корейского вопроса, так как война в Корее приносит огромные прибыли монополистам Уолл-стрита. Война в Корее нужна американским империалистам для того, чтобы поддерживать напряженность международных отношений, ускорять гонку вооружений в целях подготовки и развязывания новой мировой войны. Представители американского командования выдвигают на переговорах в Корее заведомо неприемлемые требования, они вновь и вновь устраивают провокации в районе переговоров. Американские самолеты возобновили агрессивные вторжения в воздушное пространство Китайской Народной Республики.

...Ни днем ни ночью не затихают в Корее жестокие бои. Из США и Японии на обильно политую кровью многострадальную корейскую землю продолжают прибывать все новые контингенты войск и вооружения.

Американское командование, не считаясь с потерями, предпринимает все новые и новые попытки изменить ход военных действий в свою пользу.

Но войска Народной армии и части китайских добровольцев прочно удерживают линию фронта на всем ее протяжении.

Прошло более полутора лет войны в Корее. Месяц за месяцем, день за днем все более убедительно показывают всему миру: попытки американских империалистов поставить корейский народ на колени, поработить его обречены на провал. «Интервентам не удается запугать нас, — говорит вождь корейского народа Ким Ир Сен, — и если они сорвут переговоры по перемирию, мы готовы до конца отстаивать свободу и независимость своей родины. Продолжение войны в Корее может привести лишь к окончательному поражению американских интервентов».



ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ РЕКОРД г-на ТРУМЭНА

Колоссальный рост налогов в США в связи с гонкой вооружений, проводимой трумэновским правительством, вызывает столь широкое недовольство в стране, что теперь даже в реакционной американской печати часто можно встретить нотки раздражения по этому поводу.

«Небывалый в истории сборщик налогов» — так озаглавил американский журнал «Лук» фотомонтаж, опубликованный в номере от 18 декабря 1951 года и воспроизводимый нами сегодня.

Следующий текст объясняет смысл рисунка:

«В течение шести лет и двух месяцев, начиная с того дня, когда президент Трумэн приступил к исполнению своих обязанностей, и кончая 1 июля 1951 года, он собрал больше налогов, чем все его предшественники — 31 президент — на протяжении 156 лет».

Ничего не скажешь: поразительный рекорд!

По страницам печати

«Скынтейя» — Румыния,
«Трибуна работнича» — Польша

Кто направляет руку убийц

Газета **«Скынтейя»** опубликовала гневное письмо матери сельского активиста, пламенного патриота родины Лазэра Чернеску, зверски убитого в 1948 году врагами румынского народа.

«Кто убийцы моего сына? Кулаки и легионеры, изгнанные из армии офицеры и спекулянты — все те, кто грабил нас всю жизнь, а теперь приходит в бешенство от того, что все, кто честно трудится, стали свободными людьми».

Суд над этими гнусными подонками широко открыл глаза деревенской женщине Иконии Чернеску, показал ей, кто направлял руку убийц ее сына. Один из преступников — Верникеску, бывший арендатор поместья, в судебном заседании прямо назвал своих хозяев-подстрекателей — американо-английских человеконенавистников. «Мы думали, что придут американцы, — вторил другой подсудимый, — и нам вверят высокие посты».

«Все они, — продолжает Икония Чернеску, — **твердили о надеждах, которые связывали с войной, подготовляемой американскими банкирами против Советского Союза... Я читала в газете, что в США состряпали закон, в котором открыто, без тени стыда, они признаются, что будут платить таким вот бандитам, как убийцы моего сына.**

Я обращаюсь ко всем матерям нашей страны: будем же бдительны, пусть ни одна мать не узнает тех страшных часов, какие достались на мою долю».

Один год шестилетки

Страны народной демократии подводят замечательные итоги борьбы за строительство основ социализма, за индустриализацию в истекшем году.

Помещенный в газете **«Трибуна работнича»** плакат — хроника пуска новых предприятий — ярко показывает достижения строителей новой Польши. Плакат рассказывает о том, что только за последние семь месяцев 1951 года в Польше вступил в строй ряд крупных промышленных объектов.

Стрелки указывают на знаменательные даты: 12 июня — первая плавка стали на заводе «Ченстохова»; 16 июня — пуск завода серной кислоты в Визове; 7 июля — пущена фабрика синтетического волокна в Гожове; 22 июля — сданы в эксплуатацию: цементный завод в Ополе, кожевенный — в Гнезне и морские рыболовецкие базы в Свинустье; 12 августа — задута домна «Б» на заводе «Костюшко»; 28 августа — сдан первый польский угольный комбайн «КВ-27»; 15 сентября — закончен котел «А» на электростанции Забже; 6—7 ноября — вступили в строй: завод легковых автомобилей в Жерани, грузовых автомобилей — в Люблине, текстильный комбинат — в Пётрькове, погрузочный конвейер — в порту Щецин; 15 декабря — вступил в строй первый в Новой Гуте мощный цех стальных конструкций.

Иржи МАРЕК — ФЕЛЬЕТОН

Расскажу вам короткую, но поучительную историю. Пожалуйста, дочитайте ее до конца, даже если она покажется вам нелепой. Итак, вот что произошло.

Шла пани Доманда по лестнице и видит, что ее сосед пан Рандибас точит длинный нож.

— Зачем вам этот ножичек, сосед? — весело осведомилась на ходу пани Доманда.

Тот покосился на нее и без обиняков ответил:

— Против вас, сударыня. Может статься, что вы на меня нападете, вот я и точу нож. Острая сталь! Зарежу, и охнуть не успеете. Волос рассекает на лету! Вот, глядите.

И, вырвав у себя волос, пан Рандибас одним взмахом рассек его в воздухе. Обомлевшая соседка молча поспешила домой.

К вечеру вернулся домой со службы другой сосед, почтальон Отагло, и увидел, что Рандибас укрепляет над своей дверью громадную гирю.

— Это для чего же? — добродушно спросил почтальон.

— А это против вас, — отвечает Рандибас. — Вы, как почтальон, чего доброго, вздумаете зайти ко мне в квартиру, а я этого не хочу. Так вот, как только вы сунетесь, вам на голову упадут двадцать кило. Впрочем, я надеюсь увеличить вес до тридцати кило, чтобы сразу прихлопнуть вас до смерти.

Сосед Отагло замолчал и тихо ушел, озабоченно покачивая головой.

Вскоре пан Рандибас сколотил у себя перед домом деревянную будку и во всеуслышание объявил, что она нужна ему для того, чтобы он мог напасть на соседей прежде, чем они войдут в его дом. Ибо все дело в том, чтобы воевать на чужой территории.

На другой день пан Рандибас через рупор, который он повесил специально для этой цели, провозгласил на всю улицу, что его соседи Доманда и Отагло — варвары и душегубы и он сотрет их с лица земли. Затем он громогласно призвал всю улицу записываться к нему в добровольцы, пообещав им корки и окурки, а тем, кто особо отличится, посулил возможность поселиться в квартире пани Доманды. На крыше Рандибас воздвиг наблюдательный пункт, на дворе устраивал пробные взрывы пороха, а в погребе вырыл запасной выход, чтобы предохранить себя от покушений со стороны Доманды и Отагло. День изо дня через свой громкоговоритель он твердил, что ему грозят нападением, но он не сдастся...

Вы, милый читатель, ожидаете, что дальше в моей истории будет рассказано о том, как пана Рандибаса связали и отвезли в сумасшедший дом. Вы угадали. Пан Рандибас недолго оставался на свободе...

Я вижу на вашем лице, милый читатель, некоторое недоумение. Может, вам даже кажется, что спятил не пан Рандибас, а автор этого фельетона, рассказавший неизвестно зачем всю эту историю. Но я легко рассеяю ваше недоумение. Случай с паном Рандибасом пришел мне на ум, когда я читал речи американских делегатов на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН в Париже. Замените, милый читатель, имя «Рандибас» на фамилию любого американского дипломата, скажем, Имярек, а вместо дома и улицы представьте себе весь наш прекрасный и солнечный мир. Тогда вы поймете, что эта история касается не только соседей — Доманды и Отагло, а всех нас. Тогда рассказ приобретет ясный смысл.

Разве Америка не права, что вооружается? Как же, как же, ведь и пан Рандибас...

Разве не вправе Соединенные Штаты вести пропаганду войны в эфире и печати? Само собой разумеется, ведь и пан Рандибас...

Нужны ли Америке базы? Ну, конечно, ведь и пан Рандибас...

Вы уже знаете, что пан Рандибас в конце концов попал в желтый дом. Что же касается г-на Имярек, то он продолжает говорить речи с трибуны Генеральной Ассамблеи. В этом и вся разница между паном Рандибасом и г-ном Гроссом, простите, г-ном Имярек.

ПРАГА, январь

«Открытие» лорда Хэнки

В «доброй старой Англии» все чаще вспыхивают забастовки. До сих пор было известно, что рабочие бастуют, требуя увеличения заработной платы, повышения своего жизненного уровня. Однако в этот не новый вопрос нечто новое внес лорд Хэнки. Он заявил в палате лордов, что причиной нездоровой склонности рабочих к забастовкам является белый хлеб!

«Вещество, содержащееся в хлебе, — сообщил своим достопочтенным коллегам лорд Хэнки, — раздражающим образом действует на нервную систему собак и других животных». Поэтому, заключил со свойственным британскому аристократу апломбом престарелый лорд, «наличие в хлебе этого вещества может иметь отношение к внезапно возникающим стачкам и забастовкам, вспыхивающим среди неимущих слоев населения, которые являются большими (!) потребителями белого хлеба».

Сенсационное «открытие» лорда Хэнки стало быстро известно в самых отдаленных уголках Британской империи. Сообщение об этом из ряда вон выходящем откровении австралийская газета «Трибюн», воспользовавшись напрашивающейся игрой слов, озаглавила так: «Хэнки-пэнки». В переводе на русский язык это примерно звучит, как «сплетни-бредни», «чепуха или просто враки»...

Казалось бы, достопочтенного лорда, путающего английских рабочих с собаками и кроликами, следовало отправить из палаты лордов прямиком в знаменитый лондонский Бедлам (дом для умалишенных). Но нет — лорд Хэнки попрежнему торжественно восседает в парламенте!

Если вдуматься, то ничего удивительного в этом нет. Конечно, лорд хватил через край. Однако в бреднях лорда Хэнки, с точки зрения английских капиталистов, имеется «рациональное зерно»: посадить рабочих и их семьи на воду и черный хлеб, — разве это не идеал «жизненного уровня» для трудящихся Англии, о котором мечтают в Сити?!

Екатерина Николаевна Михайлова

Умерла Екатерина Николаевна Михайлова, кандидат филологических наук, член Союза советских писателей, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР. Советское литературоведение потеряло одного из талантливых ученых, историка русской классической и советской литературы.

Вступив в ряды партии Ленина—Сталина в 1920 году, Е. Н. Михайлова честно и самоотверженно трудилась на благо нашей социалистической Родины. Автор историко-литературных исследований и статей, Е. Н. Михайлова последовательно и целеустремленно боролась за развитие марксистско-ленинской науки о литературе. Особенно ценны ее работы о Лермонтове.

Е. Н. Михайлова работала ученым секретарем редакции «Литературной энциклопедии»; в годы Великой Отечественной войны была ответственным редактором журнала «Знамя», руководила сектором русской советской литературы ИМЛИ имени Горького. Больше 25 лет своей жизни она отдала труду лектора и преподавателя высших учебных заведений.

Светлый образ Екатерины Николаевны Михайловой, прекрасного, отзывчивого товарища и принципиального ученого-коммуниста, будет жить в памяти ее многочисленных друзей.

А. Еголин, С. Петров, М. Добрынин, М. Фетисов, М. Горячкина, Д. Благой, М. Храпченко, Н. Глаголев, И. Лаврецкий, И. Мартынов, Л. Тимофеев, А. Цейтлин, В. Нечаева, У. Гуральник, К. Зелинский, Л. Поляк, М. Венгров, В. Орлова, Е. Ковальчик, М. Юнович, И. Шамориков, А. Иващенко, Н. Дикушина, А. Подгаецкая и др.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4 02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3 27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б 00429.